

КАНТОВСКИЕ «КАТЕГОРИИ СВОБОДЫ» КАК ФУНКЦИИ ЖЕЛАНИЯ ОБЪЕКТА

Ш. Циммерман¹

В статье рассматривается «Таблица категорий свободы» из второй главы «Критики практического разума» Канта и дается представление о роли, которую должны играть эти категории, а также об их концептуальном содержании. Ключ к их правильному пониманию лежит в осознании того, что они вытекают из так называемой таблицы суждений «Критики чистого разума» и функций мышления, которые в ней собраны посредством метафизической дедукиции. Поэтому я интерпретирую категории свободы последовательно, исходя из таблицы суждений, и реконструирую их концептуальное содержание из функций мышления, лежащих в основе каждой категории. Кроме того, Кант обосновывает с помощью трансцендентальной дедукиции, что категории свободы обязательно относятся ко всем объектам воли. Я утверждаю, что категории являются понятиями, конститутивными для объекта воли: роль, которую они играют, — это функции желания объекта. Наконец, я показываю, что категории свободы выходят за пределы кантовского фундамента моральной философии. Они указывают на позднюю «Метафизику нравов» тем, что Кант связывает с ними амбициозное требование построения системы. Таким образом, идея состоит в том, что таблица категорий организует систему моральной философии.

Ключевые слова: Кант, категории свободы, «Критика практического разума», моральная философия, трансцендентальная дедукиция, суждение, желание объекта

1. Введение

Когда Кант представляет таблицу категорий свободы (AA 05, S. 66; Кант, 1997, с. 449) во второй главе «Критики практического разума»,

¹ Галле-Виттенбергский университет имени Мартина Лютера, Германия, 06099, Галле-на-Заале.
Поступила в редакцию: 15.11.2022 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2024-2-3

KANT'S "CATEGORIES OF FREEDOM" AS THE FUNCTIONS OF WILLING AN OBJECT

S. Zimmermann¹

This paper deals with the "Table of the Categories of Freedom" in the second main chapter of Kant's Critique of Practical Reason. It provides an account of the role these categories are supposed to play and also of their conceptual content. The key to a proper understanding lies in the realisation that they are derived from the so-called table of judgements in the Critique of Pure Reason and the functions of thinking, which it compiles by means of a metaphysical deduction. I therefore interpret the categories of freedom consistently from the table of judgements and reconstruct their conceptual content from the functions of thinking underlying each category. Furthermore, Kant justifies by means of a transcendental deduction the fact that the categories of freedom necessarily relate to all objects of the will. I argue that the categories are concepts constitutive for the object of the will: the role they play is that of the functions of willing an object. Finally, I show that the categories of freedom reach beyond Kant's foundation of moral philosophy. They point to the later Metaphysics of Morals in that Kant associates an ambitious system-building claim with them. The idea is therefore that the table of the categories organises the system of moral philosophy.

Keywords: Kant, categories of freedom, Critique of Practical Reason, moral philosophy, practical judgement, willing an object

1. Introduction

When Kant presents the "Table of the Categories of Freedom" (KpV, AA 05, p. 66; Kant, 1996a, p. 193) in the second main chapter of his

¹ Martin Luther University Halle-Wittenberg.
Seminar für Philosophie, Halle / Saale, 06099, Germany.
Received: 15.11.2022.
doi: 10.5922/0207-6918-2024-2-3

он заверяет читателя, что ему не нужно «ничего прибавлять для пояснения этой таблицы, так как она сама по себе достаточно понятна» (AA 05, S. 67; Кант, 1997, с. 451). Действительно, он посвящает объяснению этих категорий *только* четыре абзаца. По сравнению с его обстоятельным описанием категорий природы в «Критике чистого разума» (AA 05, S. 65; Кант, 1997, с. 447) (так он теперь называет чистые понятия рассудка), такое объяснение кажется довольно скудным. Это создает впечатление, что Кант не придает большой ценности этим категориям, которое усугубляется тем, что категории свободы больше не упоминаются где-либо в основном тексте второй «Критики»².

Однако это впечатление ошибочно. В настоящей статье охарактеризованы категории практического разума, раскрывается их концептуальное содержание и та роль, которую они призваны играть. Ключ к правильному пониманию заключается в осознании того, что, так же как и в случае категорий теоретического разума, Кант опирается на так называемую *таблицу суждений* из первой «Критики» и на функции мышления, которые в ней представлены. Эта таблица со времен первой «Критики» дает Канту опору для ответа на вопрос о правильном использовании нашей интеллектуальной способности не только в теоретическом смысле, но и в практическом.

Хотя комментаторы иногда (если вообще когда-нибудь) ссылаются на таблицу суждений, рассматривая категории свободы, полного описания того, как именно нужно их последовательно интерпретировать на основе этой таблицы, до сих пор не было. Я сделаю это в настоящей работе, реконструируя каждую категорию исходя из лежащей в ее основе функции мышления, и докажу, что они являются категориями в полном смысле слова, то есть понятиями, конституирующими объекты воли. Они

² Только в сноске к Предисловию второй «Критики» Кант бегло обращается к модальным категориям свободы (см.: AA 05, S. 11 Anm.; Кант, 1997, с. 303, примеч.).

Critique of Practical Reason, he assures the reader that he has to “add nothing further here to elucidate the present table” since it is “intelligible enough in itself” (*KpV*, AA 05, p. 67; Kant, 1996a, p. 194). In fact, he devotes *only* four paragraphs to explaining these categories. Compared to his thorough discussion of the “categories of nature” (*KpV*, AA 05, p. 65; Kant, 1996a, p. 193) in the *Critique of Pure Reason* (as he now calls the pure concepts of the understanding), this seems rather sparse. It gives the impression that Kant does not place much value on the categories – which is compounded by the fact that they are not mentioned again anywhere else in the main text of the second *Critique*.²

This impression, however, is wrong. This paper provides an account of the categories of practical reason, of the role they are supposed to play, as well as their conceptual content. The key to a proper understanding lies in the realization that, like the categories of theoretical reason, Kant derives them from the so-called *table of judgements* in the first *Critique* and the functions of thinking which it compiles. This table forms the cornerstone of Kant’s preoccupation with the respective use of our intellect since the first *Critique*, not only with its theoretical use but also with its practical one.

While commentators occasionally (if ever) refer to the table of judgements when dealing with the categories of freedom, a full account of how they have to be interpreted consistently from that table has not yet been given. I will do so in this paper by reconstructing each category from the underlying function of thinking, and I will argue that they are categories in the full-blown sense, concepts constitutive for the will’s objects. The role they play is that of the *func-*

² Only in a footnote in the “Preface” of the second *Critique* does Kant briefly touch upon the modal categories of freedom (*cf. KpV*, AA 05, p. 11n; Kant, 1996a, p. 145n).

играют роль *функций желания объекта*, а не восприятия объекта (как в случае с категориями природы).

Я начинаю с описания некоторых сходств между обоими типами категорий, а также с разбора кантовской концепции интеллекта, на которую они в равной степени опираются (раздел 2). Затем я демонстрирую, что практические категории также происходят из *метафизической дедукции* (3); в этой дедукции появляется «многообразное [содержание] желаний» (AA 05, S. 65; Кант, 1997, с. 446) (4). Затем я показываю, что результатом *трансцендентальной дедукции* является то, что практические категории априори соотносятся с объектами воли (5). И наконец, я разрабатываю концептуальное содержание каждой категории, исходя из лежащей в ее основе функции мышления (6), рассматриваю их связь с «Метафизикой нравов» (7) и завершаю кратким заключением (8).

2. Сходство между категориями свободы и природы

Между «Аналитиками» из первой и второй «Критик» наблюдается поразительное сходство, или, как говорит Кант, «аналогия» (AA 05, S. 91; Кант, 1997, с. 525). В обоих случаях соответствующие категории рассматриваются посредством *аналитики понятий* (AA 05, S. 16, 90; Кант, 1997, с. 317, 521). Данная аналитика дополняется аналитикой принципов и учением о чувственности (эстетикой), расположенными, однако, в противоположном порядке. В этом состоит одно из «различий» (AA 05, S. 91; Кант, 1997, с. 523) между «Аналитиками» первой и второй «Критик». Причина данного различия заключается в том, что в них описываются различные применения разума — теоретическое и практическое (AA 05, S. 16, 89–90; Кант, 1997, с. 317)³.

³ Кант часто говорит об использовании интеллекта (см.: В XXV, В 4–5, А 52 / В 76, А 63 / В 88, А 66 / В 90, А 67 / В 92, А 298 / В 355; Кант, 2006, с. 27, 139, 151–153, 155, 157, 461; AA 05, S. 15, 90; Кант, 1997, с. 313, 521).

tions not of experiencing an object (as is the case with the categories of nature) but of *willing an object*.

I begin with some similarities between both types of categories, as well as Kant's conception of our intellect that they equally rest on (2). I then argue that the practical categories also originate from a *metaphysical deduction* (3); in this deduction, the "manifold of desires" (*KpV*, AA 05, p. 65; Kant, 1996a, p. 192) comes into play (4). Afterwards, I point out that the result of the *transcendental deduction* is that the practical categories relate *a priori* to objects of the will (5). Finally, I develop the conceptual content of each category from the underlying function of thinking (6), consider their relation to the *Metaphysics of Morals* (7), and end with a brief conclusion (8).

2. Similarities Between the Categories of Freedom and the Categories of Nature

There are striking similarities between the "Analytic" of the first and the second *Critique* or, as Kant says, an "analogy" (*KpV*, AA 05, p. 91; Kant, 1996a, p. 213). In both cases, the respective categories are examined by way of an *analytic of concepts* (cf. *KpV*, AA 05, pp. 16, 90; Kant, 1996a, pp. 149, 212). This analytic is framed by an analytic of principles and a doctrine of sensibility (aesthetic), but in *opposite* order. This is one of the "differences" (*KpV*, AA 05, p. 91; Kant, 1996a, p. 213) between the "Analytic" of the first and the second *Critique*. The reason for this lies in the different *uses* of reason being examined, reason's theoretical use and its practical one (cf. *KpV*, AA 05, pp. 16, 89–90; Kant, 1996a, pp. 149, 212).³

³ Kant often speaks of a use of the intellect (see *KrV*, В XXV, В 4–5, А 52 / В 76, А 63 / В 88, А 66 / В 90, А 67 / В 92, А 298 / В 355; Kant, 1998, pp. 114, 138, 194, 200, 202, 204, 387; *KpV*, AA 05, pp. 15, 90; Kant, 1996a, pp. 148, 212).

Кант также подчеркивает поразительное сходство между категориями свободы и природы. Во-первых, он называет те и другие одним и тем же термином, а именно категориями. Но если первые являются «практическими... понятиями», то вторые — «теоретическими» (AA 05, S. 66; Кант, 1997, с. 445). Во-вторых, те и другие понятия являются фундаментальными. Категории свободы — это «первоначальные понятия [Elementarbegriffe]» (AA 05, S. 65; Кант, 1997, с. 447) практического разума, а категории природы — «основные [родовые] понятия [Stamm-begriffe]» (A 81 / B 107; Кант, 2006, с. 175) теоретического разума.

В-третьих, Кант объясняет оба типа категорий в понятиях синтеза, многообразия и единства. Задача теоретических категорий — «многообразное содержание (чувственного) созерцания a priori подводить под сознание» (AA 05, S. 65; Кант, 1997, с. 445). Напротив, задача практических категорий — «многообразное [содержание] желаний a priori подчинить единству сознания практического разума, повелевающего в моральном законе, или единству сознания чистой воли» (Ibid.; Там же). Здесь Кант имеет дело с явно параллельными формулировками. В обоих случаях категории совершают синтез многообразия в единство.

В-четвертых, таблицы имеют одинаковую структуру. Они содержат одинаковое количество категорий и делятся на четыре группы, каждую из которых Кант обозначает «суждениями» (A 70 / B 95; Кант, 2006, с. 159; AA 05, S. 11 Anm.; Кант, 1997, с. 303, примеч.) — количества, качества, отношения и модальности. Кроме того, каждая группа содержит три категории соответствующего использования разума — Кант называет их «моментами» (A 71 / B 96; Кант, 2006, с. 161) и три пары их противоположностей в четвертой группе. Наконец, в таблицах содержится одна и та же фигура — квадрат, стоящий на одном из своих углов.

Причину всех этих сходств (как между «Аналитиками» первой и второй «Критик», так и

Kant also emphasises striking similarities between the categories of freedom and that of nature. First, he discusses both under the *same* name, namely as categories. But while the former are “practical [...] concepts”, the latter are “theoretical concepts” (KpV, AA 05, p. 66; Kant, 1996a, p. 193). Second, both are *fundamental* concepts. The categories of freedom are the “elementary concepts [Elementar-begriffe]” (KpV, AA 05, p. 65; Kant, 1996a, p. 193) of practical reason, and the categories of nature are the “ancestral concepts [Stamm-begriffe]” (KrV, A 81 / B 107; Kant, 1998, p. 213) of theoretical reason.

Third, Kant explains both types of categories in terms of *synthesis*, *manifold* and *unity*. The task of the theoretical categories is “to a priori bring the manifold of (sensible) *intuition* under one consciousness” (KpV, AA 05, p. 65; Kant, 1996a, p. 192). In contrast, the task of the practical categories is “to subject a priori the manifold of *desires* to the unity of consciousness of a practical reason commanding in the moral law, or of a pure will”. Kant is obviously concerned with parallel formulations here. The categories in both cases synthesise a manifold into unity.

Fourth, their tables have the same *structure*. They contain the same number of categories and are divided into four groups, each of which Kant puts under a “title” (KrV, A 70 / B 95; Kant, 1998, p. 206; KpV, AA 05, p. 11n; Kant, 1996a, p. 145n), namely quantity, quality, relation and modality. Furthermore, each group contains three categories — Kant calls them “moments” (KrV, A 71 / B 96; Kant, 1998, p. 206) of reason’s respective use — and three pairs of opposites in the fourth group, respectively. Finally, the tables show the same figure of a square standing on one of its corners.

The reason for all these similarities (both those between the “Analytic” of the first and the second *Critique* as well as those between the categories of freedom and the categories of nature) can be gathered from several passages

между категориями свободы и природы) можно найти в нескольких фрагментах из второй «Критики». Согласно им, интеллект — один и тот же, просто он используется по-разному (см.: AA 04, S. 391; Кант, 1994д, с. 159; AA 05, S. 7, 16, 55, 89; Кант, 1997, с. 293, 317, 517). Трансцендентальная философия и моральная философия опираются на общую концепцию разумности. В первой «Критике» рассматривается теоретическое применение разума, а во второй — его практическое применение.

Сходство между практическими и теоретическими категориями указывает на их единое происхождение. По-видимому, в основе и тех, и других лежит нечто, передающее им свою структуру, и это что-то должно быть связано с концепцией разума как *такового* у Канта: между теоретическим и практическим использованием разума существует «аналогия», потому что это один и тот же разум, который используется либо теоретически, либо практически⁴.

Это приводит к вопросу о том, что именно характеризует разум как таковой. Ответ на него можно найти в первой «Критике». В разделе, который Кант апострофически называет «*метафизической дедукцией*» (B 159; Кант, 2006, с. 235) чистых понятий рассудка, он развивает свою концепцию разума. При этом он вскрывает исток, на который опираются не только теоретические, но и практические категории, а именно так называемую *таблицу суждений* (сам Кант не обращается к ней как к таковой). Метафизическая дедукция может быть сведена к трем основным этапам.

В самом начале Кант утверждает, что *суждение* является центральной функцией нашего рассудка: «Все действия рассудка мы можем свести к суждениям, следовательно, *рассудок* можно во-

in the second *Critique*. According to these passages, the intellect is *one and the same* and is merely employed differently (cf. *GMS*, AA 04, p. 391; Kant, 1996b, p. 47; *KpV*, AA 05, pp. 7, 16, 55, 89; Kant, 1996a, p. 142, 149, 211). Transcendental philosophy and moral philosophy are grounded in a common conception of reason. The first *Critique* examines the theoretical employment of reason and the second *Critique* its practical employment.

The similarities between the practical and the theoretical categories indicate that their tables have the same origin. There seems to be something underlying both that passes on its structure to them, and this must have something to do with Kant's conception of reason *as such*: there is an "analogy" between the theoretical and the practical use of the intellect, because it is one and the same intellect that is used either theoretically or practically.⁴

This leads to the question of what characterises reason as such. The answer to this can be found in the first *Critique*. In the section Kant apostrophises as the "*metaphysical deduction*" (*KrV*, B 159; Kant, 1998, p. 261) of the pure concepts of the understanding, he develops his conception of reason. There, he uncovers the origin that not only the theoretical categories but also the practical categories equally rest on, namely the so-called *table of judgements* (Kant himself does not address this table as such). The metaphysical deduction can be reduced to three essential steps.

At the beginning Kant argues that *judging* is the central function of our intellect: "We can [...] trace all actions of the understanding back to judgments, so that the *understanding* in gen-

⁴ Говоря о разуме вообще, я имею в виду весь интеллект субъекта в противовес его чувственности. Сам Кант иногда называет высшую способность познания рассудком (A 15 / B 29, A 51 / B 75, A 52 / B 76, A 69 / B 94; Кант, 2006, с. 83, 139, 159; AA 07, S. 196–197; Кант, 1994а, с. 259; AA 20, S. 223; Кант, 2001б, с. 875), а иногда — разумом (A 835 / B 863; Кант, 2006, с. 1013).

⁴ Speaking of reason as such, I mean the *entire* intellect of the subject in contrast to its sensibility. Kant himself sometimes refers to the higher faculty of cognition as understanding (cf. *KrV*, A 15 / B 29, A 51 / B 75, A 52 / B 76, A 69 / B 94; Kant, 1998, pp. 135, 193, 194, 205; *Anth*, AA 07, pp. 196–197; Kant, 2007, p. 304; *EEKU*, AA 20, p. 223; Kant, 2000, p. 26) and sometimes as reason (cf. *KrV*, A 835 / B 863; Kant, 1998, p. 693).

обще представить как *способность [составлять] суждения*» (А 69 / В 94; Кант, 2006, с. 159)⁵. Суждение заключается в синтезе представлений. Каждый акт нашего рассудка либо сам является актом суждения, либо *участвует* в таком акте. Отсюда следует, что понятия могут использоваться (в том числе определяться и объясняться) исключительно в суждениях (А 68 / В 93; Кант, 2006, с. 158) и что умозаключение также является суждением, однако состоящим не из понятий, а из других суждений (А 307 / В 364, А 330 / В 386; Кант, 2006, с. 471, 497).

Вторым шагом Кант обосновывает, что действия интеллекта совершаются закономерно. То, что он называет «функциями рассудка» (А 69 / В 94; Кант, 2006, с. 159), и есть законы мышления⁶. Таблица суждений раскрывает четыре основные функции — количества, качества, отношения и модальности, а также три элементарные функции для каждой из этих групп. Наш рассудок судит, используя по меньшей мере один «момент» с названием «количество» и как минимум по одному с названием «качество», «отношение» и «модальность».

Наконец, Кант утверждает, что по этим законам в суждениях синтезируются не только представления, но и соответствующие им *объекты* в пространстве и времени: «Этим путем возникает ровно столько чистых понятий рассудка, *a priori* относящихся к предметам созерцания вообще, сколько в предыдущей таблице было перечислено логических функций во всех возможных суждениях» (А 79 / В 105; Кант, 2006, с. 173). Категории природы — это «функции мышления (суждения), уже примененные к нашему чувственному созерцанию» (В 429; Кант, 2006, с. 545).

⁵ См.: (А 80—81 / В 106; Кант, 2006, с. 173; АА 04, S. 300, 304, 323; Кант, 1994ж, с. 57, 62, 83; АА 20, S. 271; Кант, 1994е, с. 392; АА 24, S. 662—663; АА 29, S. 802).

⁶ См. письмо Канта к Герцу от 21 февраля 1772 г., которое принято считать зарождением первой «Критики». В нем Кант говорит о «фундаментальных законах рассудка» (АА 10, S. 132).

eral can be represented as a *faculty for judging*» (*KrV*, А 69 / В 94; Kant, 1998, p. 205).⁵ Judging consists in synthesising representations. Every act of our intellect is either *itself* an act of judgement or it *participates* in such an act. This implies that concepts can be used (including defined and explained) solely in judgements (*cf. KrV*, А 68 / В 93; Kant, 1998, p. 205) and that an inference is also a judgement, albeit one that is composed of other judgements instead of concepts (*cf. KrV*, А 307 / В 364, А 330 / В 386; Kant, 1998, pp. 392, 403).

By the second step Kant argues that the actions of the intellect take place in a lawful way. What he apostrophises as the “functions of the understanding” (*KrV*, А 69 / В 94; Kant, 1998, p. 206) are the *laws* of thinking.⁶ The table of judgements exposes four basic functions: quantity, quality, relation and modality, and it exposes three elementary functions per group. Our intellect judges by employing at least one “moment” under the “title” of quantity, and at least one each under that of quality, relation and modality as well.

Finally, Kant argues that according to these laws, not only representations are synthesised in judgement but also the corresponding *objects* in space and time: “there arise exactly as many pure concepts of the understanding, which apply to objects of intuition in general *a priori*, as there were logical functions of all possible judgements in the previous table” (*KrV*, А 79 / В 105; Kant, 1998, p. 212). The categories of nature are the “functions of thinking (of judging) applied to our sensible intuition” (*KrV*, В 429; Kant, 1998, p. 456).

⁵ *Cf. KrV*, А 80-81 / В 106; Kant, 1998, p. 213; *Prol*, АА 04, pp. 300, 304, 323; Kant, 2002с, pp. 94, 98, 115; *FM*, АА 20, p. 271; Kant, 2002b, p. 363; *V-Lo/Busolt*, АА 24, pp. 662-663; *V-Met/Mron*, АА 29, p. 802; Kant, 1997d, p. 155.

⁶ See Kant’s letter to Herz from 21 February 1772, which is considered to be the birth of the first *Critique*. There, Kant speaks of the “fundamental laws of the understanding” (*Br*, АА 10, p. 132; Kant, 1999, p. 134).

3. Метафизическая дедукция категорий свободы

Во второй «Критике» категории свободы развиваются аналогичным образом. Наш рас­судок должен быть «способностью суждения» и в своей практической деятельности, поскольку если каждый случай мышления есть случай суждения, то это должно быть верно и в отношении практической деятельности разума. В результате одно из центральных понятий моральной философии Канта, которое он, однако, нигде не разъясняет, следует понимать именно в этих терминах. Речь идет о понятии *направленности* воли (*Willensbestimmung*)⁷.

Кант неоднократно *приравнивает* волю к практическому разуму⁸. Его понятие воли включает в себя интеллект и способность желания (*Begehrungsvermögen*) как свойства, подобно тому как его понятие опыта содержит рас­судок и способность разумного созерцания как свойства. Как таковая, воля имеет рациональный аспект. Практическое применение разума сводится к тому, что разум направляет способность желания к действию, а рациональный аспект желания действия состоит в том, что это определение принимает форму суждения⁹.

Желание объекта подразумевает не меньший акт суждения, чем опыт объекта. И первое является таким же «пропозициональным отношением» (Willaschek, 1992, S. 54), как и второе. Разум определяет способность желания, представляя объект желания; он не может сделать это иначе, чем посредством суждения, то есть синтеза представлений. Именно в теоре-

⁷ Хорн дает объяснение центральных аспектов этой концепции, не прибегая, однако, к концепции Канта об интеллекте как «способности суждения» (см.: Horn, 2002).

⁸ См.: (AA 04, S. 412, 441, 448; Кант, 1994д, с. 185, 207, 227; AA 05, S. 55, 89; Кант, 1997, с. 415, 517; AA 06, S. 213, 226; Кант, 2014, с. 41, 77).

⁹ См.: (AA 04, S. 427; Кант, 1994д, с. 163; AA 05, S. 32, 55, 89; Кант, 1997, с. 353, 415, 518; AA 05, S. 172, 209; Кант, 2001а, с. 82, 165).

3. The Metaphysical Deduction of the Categories of Freedom

The second *Critique* develops the categories of freedom in an analogous way. Our intellect must be a “*faculty for judging*” in its practical employment too, for if every case of thinking is a case of judging, then this must also be true of reason’s practical employment. As a result, one of the central concepts of Kant’s moral philosophy – which he nevertheless nowhere clarifies – must be understood in these terms. I am referring to the concept of a *determination of the will* (*Willensbestimmung*).⁷

Kant repeatedly *equates* the will with practical reason.⁸ His notion of the will contains the intellect and the faculty of desire (*Begehrungsvermögen*) as features, just as his notion of experience contains the intellect and the faculty of sensible intuition as features. As such, the will has a rational moment. The practical use of reason consists in its determining the faculty of desire to an action, and the rational moment of willing an action is that this determination has the shape of a judgement.⁹

Willing an object implies no less an act of judgement than experiencing an object. The former is as much a “propositional attitude”¹⁰ (Willaschek, 1992, p. 54) as the latter. Reason determines the faculty of desire by representing an object of desire; it cannot do so in any other way than by judging, i.e. by synthesising representations. It is in theoretical judgements that we experience something, just as it is in *practi-*

⁷ Horn (2002) provides an explanation of the central aspects of this concept, although without recourse to Kant’s conception of the intellect as the “*faculty for judging*”.

⁸ Cf. *GMS*, AA 04, pp. 412, 441, 448; Kant, 1996b, pp. 66, 90, 96; *KpV*, AA 05, pp. 55, 89; Kant, 1996a, pp. 184, 212; *MS RL*, AA 06, pp. 213, 226; Kant, 1996d, p. 375, 380.

⁹ Cf. *GMS*, AA 04, p. 427; Kant, 1996b, p. 78; *KpV*, AA 05, pp. 32, 55, 89; Kant, 1996a, pp. 165, 184, 212; *KU*, AA 05, pp. 172, 209; Kant, 2000, pp. 59-60, 94; *MS RL*, AA 06, p. 213; Kant, 1996d, p. 375.

¹⁰ Cf. “*propositionale Einstellung*”.

тических суждениях мы что-то воспринимаем, точно так же как в *практических суждениях* мы что-то желаем. Определение способности желания к действию составляет содержание практического суждения¹⁰.

Разум, когда он действует практически и определяет способность желания к действию, подчинен *тем же* функциям, что и при его теоретическом применении. Ведь если наш рассудок «совершенно исчерпывается этими функциями и его способность вполне измеряется ими» (В 105; Кант, 2006, с. 173), то они должны действовать и при практическом применении нашего интеллекта. Поскольку Кант отождествляет волю с практическим разумом и поскольку разум действует в соответствии со своими функциями как законами мышления, практическое применение разума также должно быть подчинено этим законам. Определение воли, содержащееся в практических суждениях, возникает в результате практического использования законов мышления.

Поскольку практические суждения возникают в результате выполнения тех же функций, что и теоретические, они должны обладать *теми же* формальными свойствами, что и последние, а именно количеством и качеством, отношением и модальностью. Тем не менее Г. Патциг утверждает, что «логические термины могут найти применение в области кантовской этики только в ограниченном, аналогичном смысле» (Patzig, 1965, S. 237). Напротив, таблица суждений является точкой соприкосновения кантовских теорий теоретических и практических суждений.

Категории свободы также должны выводиться путем *метафизической дедукции*. Разу-

¹⁰ В §1 второй «Критики» Кант пишет: «Практические основоположения суть положения, содержащие в себе всеобщее определение воли» (AA 05, S. 19; Кант, 1997, с. 321). Кант не говорит о практических предложениях вообще, а только о принципах. Однако степень абстракции не меняет того, чем является практическая пропозиция, а именно — практической пропозицией. Практические предложения как таковые содержат определение воли.

cal judgements that we will something. A determination of the faculty of desire to an action is the content of a practical judgement.¹¹

Reason, when exercised practically and determining the faculty of desire to an action, is subject to the *same* functions as in its theoretical exercise. For, insofar as our intellect is “completely exhausted and its capacity entirely measured by these functions” (*KrV*, B 105; Kant, 1998, p. 212), which are compiled in the table of judgements, they must also be at work in the practical exercise of our intellect. Since Kant equates the will with practical reason, and since reason is exercised in accordance with its functions as the laws of thinking, reason’s practical use must be subject to these laws too. A determination of the will, contained in practical judgements, arises from the practical use of the laws of thinking.

Since practical judgements arise from the exercise of the same functions as theoretical judgements, they must have the *same* formal properties as the latter, namely a quantity and quality, a relation and modality. Günther Patzig (1965, p. 237), however, maintains that “logical terms can find application in the field of Kantian ethics only in a restricted, analogical sense”.¹² Quite on the contrary, the table of judgements forms the point of convergence of Kant’s theory of theoretical and practical judgements.

The categories of freedom must also be derived by a *metaphysical deduction*. To be sure, Kant does not discuss or even mention such a

¹¹ As Kant writes in §1 of the second *Critique*: “Practical principles are propositions that contain a general determination of the will” (*KpV*, AA 05, p. 19; Kant, 1996a, p. 153). Kant does not speak of practical propositions in general but specifically of principles. However, the degree of abstraction does not change what a practical proposition is, namely a practical proposition. Practical propositions *as such* contain a determination of will.

¹² “[...] *logische Termini im Bereich der Kantischen Ethik nur in einem eingeschränkten, analogischen Sinn Anwendung finden können [...]*”

меется, Кант не обсуждает такую дедукцию и вообще не упоминает о ней. Но отнюдь не само собой разумеется, что практический разум также обладает такими фундаментальными понятиями. Необходимо представить доказательство этого факта, и это доказательство должно также установить (как Кант утверждает в первой «Критике» в отношении чистых понятий рассудка), что «априорное происхождение категорий вообще было доказано их полным совпадением со всеобщими логическими функциями мышления» (B 159; Кант, 2006, с. 235).

Кант намекает на такую дедукцию, поскольку утверждает, что категории свободы имеют «очевидное преимущество» (AA 05, S. 66; Кант, 1997, с. 445–447) перед категориями природы. Они «не должны дожидаться созерцаний, чтобы приобрести значение», но имеют смысл, поскольку «сами порождают действительность того, к чему они относятся (намерения воли [Willensgesinnung])» (AA 05, S. 66; Кант, 1997, с. 447). Метафизическая дедукция происходит в рамках аналитики понятий и, значит, до эстетики. В то время как чувственное созерцание необходимо для выведения теоретических категорий, практические категории могут быть выведены и без ощущений; функции мышления не должны быть объективно обоснованы моральным чувством. Напротив, они объективно действительны в том смысле, что они определяют волю.

Таким образом, невозможно переоценить значимость таблицы суждений для таблицы категорий свободы. Она содержит то же число функций мышления, те же четыре группы (количества, качества, отношения и модальности), по три функции на группу, в четвертой группе три пары противоположностей и ту же фигуру квадрата, стоящего на одном из своих углов. Таблица практических категорий должна быть *реконструирована из таблицы суждений*.

Категории свободы — это, если воспользоваться словами Канта, «функции мышления (суждения), приложенные к желанию». Они

deduction. But it is by no means self-evident that practical reason also possesses such fundamental concepts. A proof to this effect is to be provided, and the said proof has to also establish (as Kant says in the first *Critique* in regard to the pure concepts of the understanding) the “origin of the *a priori* categories in general [...] through their complete coincidence with the universal logical functions of thinking” (*KrV*, B 159; Kant, 1998, p. 261).

Kant hints at such a deduction insofar as the categories of freedom are said to have an “obvious advantage” (*KpV*, AA 05, p. 66; Kant, 1996a, p. 193) over the categories of nature. They “do not have to wait for intuitions in order to receive meaning” but have meaning since “they themselves produce the reality of that to which they refer (the disposition of the will [*Willensgesinnung*])” (*ibid.*). The metaphysical deduction takes place in the analytic of concepts and hence before the aesthetic. While sensible intuition is indispensable for the derivation of the theoretical categories, the practical categories can be derived *without* feelings; the functions of thinking do not owe their objective validity to the moral feeling. Rather, they are objectively valid in that they determine the will.

Hence, the importance of the table of judgments for the table of the categories of freedom cannot be overestimated. It contains the same number of functions of thinking, the same division into four groups (quantity, quality, relation and modality), three functions per group, three pairs of opposites in the fourth group, and the same figure of a square standing on one of its corners. The table of the practical categories must be *reconstructed from the table of judgments*.

The categories of freedom are — to take up and modify Kant’s own words — the “functions of thinking (of judging) applied to our desire”. They too are functions of the unity of a synthesis of a manifold, but the manifold here

также являются функциями единства синтеза многообразия, но многообразие в данном случае *иное*. Это «многообразное содержание желаний [Mannigfaltige der Begehrungen]» (вместо разумного созерцания), которые эти функции синтезируют в единство объекта воли (вместо объекта опыта).

4. «Многообразное содержание желаний»

«Многообразное содержание желаний» появляется в метафизической дедукции категорий свободы. К сожалению, Кант не объясняет, что это такое, и не упоминает о нем ни в одном из разделов второй «Критики», не говоря об остальных работах. Здесь необходимо учитывать два момента. Во-первых, «многообразное содержание желаний» не следует понимать как производное количества, как это делают А. Пипер и Р. М. Бадер (см.: Pieper, 2002, S. 120; Bader, 2009, p. 801; см. также: Beck, 1960, p. 139; Haas, 1997, S. 52; Graband, 2005, S. 49). Подобная производная форма выделяет ряд элементов из общего количества (например, «младший из коллег»). Если «многообразное содержание желаний» понимается таким образом, то в данном случае имеется в виду множество желаний, то есть совокупность различных желаний.

Вместо этого мы должны считать «многообразное содержание желаний» производным от обладания. Данная форма указывает на отношение принадлежности (например, «книга коллеги»), и именно таким образом уже в первой «Критике» понимается «многообразие (чувственного) созерцания». Имеется в виду не множественность созерцаний, то есть различные созерцания, а то многообразие, которое принадлежит каждому созерцанию: множество аспектов созерцаемого (A 78–79 / B 104, B 132, 137, 145, 153, 164, A 305 / B 362; Кант, 2006, с. 171, 203, 211, 219, 229, 227, 391). Хотя Кант говорит о «многообразном содержании желаний» во множественном числе, это многообразие отно-

is a *different* one. It is the “manifold of *desires* [Mannigfaltige der Begehrungen]” (instead of sensible intuition) which the functions synthesise into the unity of an object of the will (instead of experience).

4. The “Manifold of *Desires*”

The “manifold of *desires*” comes into play in the metaphysical deduction of the categories of freedom. Unfortunately, Kant does not explain what it is, nor does he speak of it in any other passage of the second *Critique*, let alone in his other writings. Two things have to be taken into account here. First, the “manifold of *desires*” must *not* be read as a genitive of quantity, as Annemarie Pieper (2002, p. 120) and Ralf M. Bader (2009, p. 801) do.¹³ This genitive singles out a number of elements from a total quantity (e.g. ‘the younger of the colleagues’). If the “manifold of *desires*” was understood in this way, a multiplicity of desires would be meant, i.e. manifold desires.

Instead, we have to read the “manifold of *desires*” as a *genitive of possession*. This genitive indicates a relation of belonging (e.g. ‘the book of a colleague’), and this is how the first *Critique* already understands the “manifold of (sensible) intuition”. What is meant is not a multiplicity of intuitions, i.e. manifold intuitions, but the manifold which belongs to *each* intuition: the many aspects of the intuited (cf. *KrV*, A 78-79 / B 104, B 132, 137, 145, 153, 164, A 305 / B 362; Kant, 1998, pp. 211, 246-247, 249, 253, 257, 263, 391). Although Kant speaks of the “manifold of *desires*” in the plural, the manifold in question belongs to *each* desire: it consists in the many aspects of the desired (see also Benton, 1980, pp. 193-195).

¹³ See also Beck (1960, p. 139), Haas (1997, p. 52) and Graband (2005, p. 49).

сится к *каждому* желанию: оно состоит из множества аспектов желаемого (см. также: Benton, 1980, p. 193–195).

Далее, Кант различает теоретический и практический разум в соответствии с их *объектной референцией* (B IX–X; Кант, 2006, с. 11). Если «многообразие (чувственного) созерцания» дается интеллекту как материал, на котором он применяет свои функции¹¹, то «многообразное содержание желаний» происходит из самого интеллекта. Такой материал создается разумом, применяющим свои функции. Например, если я хочу пить и намереваюсь выпить стакан воды, стакан воды не должен быть предоставлен мне посредством чувственного созерцания. Я пришел к этому намерению благодаря спонтанности моего интеллекта и предшествующему опыту о том, что утоляет жажду.

Однако метафизическая дедукция категорий свободы опирается на дополнительное требование. Как и в случае с категориями природы, они возможны как априорные понятия только при наличии априорного множества, к которому могут быть применены функции интеллекта. Эти функции должны применяться к априорному «многообразию содержания желаний». И хотя Кант не формулирует это дополнительное требование, оно подразумевается в его концепции, в соответствии с которой категории теоретического разума имеют приоритет над категориями практического разума: последние предполагают первые.

Предваряя таблицу категорий, Кант пишет: «А так как поступки... как события в чувственно воспринимаемом мире принадлежат к явлениям, — то определения практического разума могут иметь место только по отношению к последним, следовательно... согласно с категориями рассудка... (курсив мой. — Ш.Ц.)» (AA 05, S. 65; Кант, 1997, с. 445). И вновь после таблицы категорий: «Легко заметить, что в этой табли-

¹¹ Способность чувственного созерцания — это «способность (восприимчивость) получать представления тем способом, каким предметы воздействуют на нас» (A 19 / B 33; Кант, 2006, с. 89).

Second, Kant distinguishes between theoretical and practical reason according to their *object reference* (cf. *KrV*, B IX–X; Kant, 1998, p. 107). While the “manifold of (sensible) *intuition*” is given to the intellect as the material on which it employs its functions,¹⁴ the “manifold of *desires*” has its origin in the intellect itself. This material is *made* by reason employing its functions. For instance, if I am thirsty and intend to drink a glass of water, a glass of water does not have to be given to me through sensible intuition. I happen on this idea by virtue of the spontaneity of my intellect and previous experiences of what quenches thirst.

The metaphysical deduction of the categories of freedom is, however, based on an additional requirement. As with the categories of nature, they are possible as *a priori* concepts only if there is an *a priori* manifold which the functions of the intellect can be applied to. The functions must be applied to an *a priori* “manifold of *desires*”. Although Kant does not make this additional requirement explicit, it is implicit in his view, according to which the categories of theoretical reason have *primacy* over the categories of practical reason: the latter presuppose the former.

Before the table of the categories, Kant writes: “However, since actions [...] as also events in the sensible world yet belong to appearances, the determinations of a practical reason *can take place only with reference to the latter and therefore, indeed, conformably with the categories of the understanding*” (*KpV*, AA 05, p. 65; Kant, 1996a, p. 192; italics added — S. Z.). And again following the table of the categories: “One quickly sees that in this table freedom is regarded [...] with respect to actions possible through it as appearances in the sensible world,

¹⁴ The faculty of sensible intuition is the “capacity (receptivity) to acquire representations through the way in which we are affected by objects” (*KrV*, A 19 / B 33; Kant, 1998, p. 155).

це свобода... рассматривается в отношении возможных через нее поступков как явлений в чувственно воспринимаемом мире, следовательно, соотносится с категориями их естественной возможности (курсив мой. — Ш.Ц.)» (AA 05, S. 67; Кант, 1997, с. 451).

Определение разумом способности желания подчиняется определенным требованиям. Среди них — требования, предъявляемые формальной логикой (хотя Кант их здесь не упоминает). Разум не может определить волю к действию, которая является невозможной с точки зрения формальной логики. Поскольку и в теоретическом, и в практическом отношении интеллект является одним и тем же, законы формальной логики одинаково применимы к обоим его проявлениям. Каждый объект воли должен соответствовать этим законам (например, я не могу стремиться нарисовать круглый квадрат).

Однако Кант фокусируется здесь на требованиях, предъявляемых *трансцендентальной* логикой. Разум не может определить волю к действию, невозможному согласно трансцендентальной логике. Поскольку наши «действия» — это не что иное, как «явления в чувственном мире», определение разумом способности желания подчиняется и категориям природы. Каждый объект воли должен соответствовать «категориям рассудка», то есть требованиям его «естественной возможности» (см.: Beck, 1960, p. 137; Bobzien, 1988, S. 194–195; Graband, 2005, S. 51)¹².

То, что нельзя считать содержанием опыта, не может быть и содержанием воли. Только объект возможного опыта возможен как объект воли. То, что подчиняется практическим категориям, *eo ipso* подчиняется и теоретическим: как «события чувственного мира», наши «действия» относятся «к явлениям». Но если объекты воли — это явления, то необходимое априорное множество есть не что иное, как множество

¹² Как отмечает Контос, это относится не только к действиям, которые я совершаю, но и к тем, которые я еще намереваюсь совершить (см.: Kontos, 2011, p. 229–230).

and that consequently *it is referred to the categories of their natural possibility*” (KpV, AA 05, p. 67; Kant, 1996a, p. 194; italics added — S. Z.).

Reason’s determination of the faculty of desire is subject to certain requirements. Among them are those set by *formal* logic (though Kant does not mention them here). Reason cannot determine the will to an action that is impossible according to formal logic. Since it is one and the same intellect that is theoretically and practically exercised, the laws of formal logic equally apply to both its exercises. Every object of the will must be in accordance with these laws (e.g., I cannot intend to draw a round square).

Kant’s focus here, however, is on the requirements set by *transcendental* logic. Reason cannot determine the will to an action that is impossible according to transcendental logic. Since our “actions” are nothing other than “appearances in the sensible world”, reason’s determination of the faculty of desire is subject to the categories of nature. Every object of the will must be in accordance with the “categories of the understanding”, i.e. the requirements of its “natural possibility” (cf. Beck, 1960, p. 137; Bobzien, 1988, pp. 194–195; Graband, 2005, p. 51).¹⁵

What cannot be the content of experience also cannot be the content of the will. Only an object of possible experience is possible as an object of the will. What is subject to the practical categories is *eo ipso* subject to the theoretical categories as well: as “events in the sensible world”, our “actions” belong “to appearances”. But if the objects of the will are appearances, the required manifold *a priori* is none other than that of sensible intuition *insofar* as it is related to the faculty of desire. By linking the *a priori* manifold of sensible intu-

¹⁵ As Kontos points out, this applies not only to actions insofar as I perform them, but to those that I already intend also (cf. Kontos, 2011, pp. 229–230).

чувственного созерцания *в той мере*, в какой она связана со способностью желания. Связывающая априорное многообразие чувственного созерцания с единством объекта воли, категории свободы делают его и априорным многообразным содержанием желаний¹³.

5. Трансцендентальная дедукция категорий свободы

Хотя Кант не обсуждает *трансцендентальную дедукцию* категорий свободы и даже не упоминает о ней, тем не менее они требуют такой дедукции — как и все понятия, берущие свое начало в нашей субъективности¹⁴. Необходимо доказать, что, хотя категории свободы имеют субъективное происхождение, они *a priori* относятся к объектам воли. Но, в отличие от теоретических категорий, в отношении практических категорий демонстрация априорной объективности кажется возможной без затруднений.

Цель трансцендентальной дедукции категорий природы — доказать, что не может существовать никакого многообразия чувственного созерцания, которое *не* мыслилось бы в соответствии с функциями нашего интеллекта. «Трудность» (A 88 / B 121; Кант, 2006, с. 191) в доказательстве этой мысли заключается в том, что предметы могут быть даны нам «без необходимого отношения к функциям рассудка и, следовательно, рассудок *a priori* не содержит условий [их]» (A 89 / B 122; Кант, 2006, с. 191). В результате этой дедукции теоретические категории становятся субъективными законами, по которым происходит постижение объектов (B 128, 143, A 321 / B 377, A 348–349; Кант, 2006, с. 199, 217, 487; AA 04, S. 302; Кант, 1994ж, с. 58; AA 04, S. 475; Кант, 1994в, с. 256; AA 20, S. 272; Кант, 1994е, с. 393).

¹³ Согласно первой «Критике», априорное многообразие чувственного созерцания состоит из определенных пространства и времени, так называемых форм (см.: A 139 / B 178; Кант, 2006, с. 257).

¹⁴ «Нельзя с уверенностью пользоваться понятием *a priori*, не осуществляя трансцендентальной дедукции его» (A 669 / B 697; Кант, 2006, с. 855; см. также: A 85 / B 117; Кант, 2006, с. 185).

ition to the unity of an object of the will, the categories of freedom make it the *a priori* manifold of desires.¹⁶

5. The Transcendental Deduction of the Categories of Freedom

Although Kant does not discuss or even mention a *transcendental deduction* of the categories of freedom, they also require such a deduction — as is the case for all concepts that have their origin in our subjectivity.¹⁷ It has to be proven that, although the categories of freedom have a subjective origin, they relate *a priori* to objects of the will. But unlike the theoretical categories, the demonstration of the *a priori* objectivity seems to be possible without difficulty in the case of the practical categories.

The aim of the transcendental deduction of the categories of nature is to prove that there can be no manifold of sensible intuition that is *not* thought in accordance with the functions of our intellect. The “difficulty” (*KrV*, A 88 / B 121; Kant, 1998, p. 222) in proving this, however, is that objects might be given to us “without necessarily having to be related to functions of the understanding, and therefore without the understanding containing their *a priori* conditions” (*KrV*, A 89 / B 122; Kant, 1998, p. 222). The result of this deduction is that the theoretical categories are the subjective laws according to which experience of objects takes place (*cf.* *KrV*, B 128, 143, A 321 / B 377, A 348–349; Kant, 1998, pp. 226, 252, 399, 416; *Prol*, AA 04, p. 302; Kant, 2002c, p. 96; *MAN*, AA 04, p. 475; Kant, 2002a, p. 189; *FM*, AA 20, p. 272; Kant, 2002b, p. 363).

¹⁶ According to the first *Critique*, the *a priori* manifold of sensible intuition consists in the determinations of space and time, the so-called schemata (*cf.* *KrV*, A 139 / B 178; Kant, 1998, p. 272).

¹⁷ “One cannot avail oneself of a concept *a priori* with any security unless one has brought about a transcendental deduction of it” (*KrV*, A 669 / B 697; Kant, 1998, p. 605; see also *KrV*, A 85 / B 117; Kant, 1998, p. 220).

В случае с категориями свободы соответствующая цель должна заключаться в демонстрации невозможности существования многообразного содержания желаний, которое бы *не* мыслилось в соответствии с функциями нашего интеллекта¹⁵. Это можно сделать без особых усилий, поскольку категории «сами порождают реальность того, к чему они относятся (диспозиция воли)» (AA 05, S. 66; Кант, 1997, с. 447). Поскольку воля не может быть определена к объекту без этих категорий, всякое желание объекта должно *ex hypothesi* соответствовать им. Таким образом, многообразие желаний обязательно подчиняется функциям нашего интеллекта. И здесь метафизическая и трансцендентальная дедукция *совпадают*. Результат этой дедукции состоит в том, что практические категории оказываются субъективными законами, в соответствии с которыми реализуется желание объектов.

В данном контексте мы не должны упускать из виду, что Кант неоднократно осуществляет трансцендентальную дедукцию еще в первой «Критике». Например, он производит подобную дедукцию и в отношении «понятий пространства и времени» (A 89 / B 121; Кант, 2006, с. 153), обнаруживаемых в трансцендентальной эстетике. Эта дедукция, как утверждается, осуществляется также «без особых усилий». Поскольку пространство и время являются формами чувственного созерцания к объекту, то отсюда следует, что всякое чувственное созерцание к объекту должно *ex hypothesi* соответствовать этой дедукции. Таким образом, многообразие чувственного созерцания обязательно подчиняется указанным формам¹⁶.

Это объясняет, почему во второй «Критике» нет системы принципов, следующих за трансцендентальной дедукцией категорий свободы и характеризующих структуру объекта практи-

In the case of the categories of freedom, the corresponding aim must be to show that there can be no manifold of desire that is *not* thought in accordance with the functions of our intellect.¹⁸ This can be accomplished with little effort, since the categories “themselves produce the reality of that to which they refer (the disposition of the will)” (*KpV*, AA 05, p. 66; Kant, 1996a, p. 193). Since the will cannot be determined to an object without these categories, all willing of an object must *ex hypothesi* be in accordance with them. Thus, the manifold of desires is necessarily subject to the functions of our intellect. Here, the metaphysical and the transcendental deduction *coincide*. The result of this deduction is that the practical categories are the subjective laws according to which the willing of objects takes place.

In this context, we must not overlook the fact that Kant already performs a transcendental deduction more than once in the first *Critique*. For example, he also performs such a deduction with respect to the “concepts of space and time” (*KrV*, A 89 / B 121; Kant, 1998, p. 222), which can be found in the transcendental aesthetics. This deduction is said to be accomplished “with little effort” too. Since space and time are the forms of sensibly intuiting an object, it follows that all sensible intuition of an object must *ex hypothesi* be in accordance with them. Thus, the manifold of sensible intuition is necessarily subject to these forms.¹⁹

This explains why, in the second *Critique*, there is no system of principles following the transcendental deduction of the categories of freedom and characterising the structure of practical reason’s object. There cannot be such an analogy to the “System of all principles of

¹⁵ Я рассматриваю это более подробно в работе: (Zimmermann, 2011, p. 176–178).

¹⁶ Кант также говорит о трансцендентальной дедукции в отношении идей разума (A 669–670 / B 697–698; Кант, 2006, с. 823; см.: Zimmermann, 2016b, S. 70–72).

¹⁸ I deal with this in more detail in Zimmermann (2011, pp. 176–178).

¹⁹ Kant also speaks of a transcendental deduction with respect to the ideas of reason (*cf.* *KrV*, A 669–670 / B 697–698; Kant, 1998, p. 605). See Zimmermann (2016b, pp. 70–72).

ческого разума. Аналогии с «Системой всех основоположений чистого рассудка» (A 148 / B 187; Кант, 2006, с. 267) из первой «Критики» быть не может. В этой «Системе...» категории природы применяются к понятию явления, характеризуя структуру объекта теоретического разума. Л. У. Бек и С. Бобзиен сформулировали недостающую, по их мнению, систему принципов (см.: Beck, 1960, p. 145–147; Bobzien, 1988, S. 207).

Если же нечто может быть конституировано как объект воли лишь постольку, поскольку оно выступает как объект возможного опыта, то объект воли полностью определяется «основоположениями чистого рассудка». Категории свободы — это категории в полном смысле слова: понятия, конституирующие объекты воли. Но их материал — это объект теоретического разума, и он не приобретает новой структуры, будучи конституирован как объект практического разума. Если теоретические категории являются не просто «условиями *возможности опыта* вообще», но и «в то же время *условиями возможности предметов опыта*» (A 158 / B 197; Кант, 2006, с. 279), то к практическим категориям подобное не относится.

Кроме того, существует еще одно ограничение аналогии между двумя типами категорий. Прежде чем привести таблицу категорий свободы, Кант заявляет, что они «имеют отношение только к практическому разуму вообще» (AA 05, S. 66; Кант, 1997, с. 447) и «в своей последовательности идут от морально еще не определенных и чувственно обусловленных к тем, которые не обусловлены чувственностью и определяются только моральным законом» (Ibid.; Там же). И в продолжение таблицы Кант утверждает, что «категории модальности не совершают перехода — но только *проблематически* — от практических принципов вообще к принципам нравственности, которые лишь потом могут быть представлены *догматически* посредством морального закона» (AA 05, S. 67; Кант, 1997, с. 451).

pure understanding” (*KrV*, A 148 / B 187; Kant, 1998, p. 278) in the first *Critique*. In this “System”, the categories of nature are applied to the concept of an appearance characterising the structure of theoretical reason’s object. Lewis White Beck and Susanne Bobzien formulate what they believe is the missing system of principles on their own (*cf.* Beck, 1960, pp. 145-147; Bobzien, 1988, p. 207).

If, however, something can only be constituted as an object of the will insofar as it is constituted as an object of possible experience, then the object of the will is completely determined by the “principles of pure understanding”. The categories of freedom are categories in the full-blown sense: concepts constitutive for the will’s objects. But their material is an object of theoretical reason, and it does not acquire a new structure by being constituted as an object of practical reason. While the theoretical categories are not merely “conditions of the *possibility of experience* in general” but are “at the same time conditions of the *possibility of the objects of experience*” (*KrV*, A 158 / B 197; Kant, 1998, p. 283), something similar does not apply to the practical categories.

Moreover, there is another limit to the analogy between the two types of categories. Before providing the table of the categories of freedom, Kant states “that these categories concern only practical reason in general” (*KpV*, AA 05, p. 66; Kant, 1996a, p. 193). They “proceed in their order from those which are as yet morally undetermined and sensibly conditioned to those which, being sensibly unconditioned, are determined only by the moral law” (*ibid.*). And following the table, Kant states that “the categories of modality introduce, but only *problematically*, the transition from practical principles in general to those of morality, which can only afterwards be presented *dogmatically* through the moral law” (*KpV*, AA 05, p. 67; Kant, 1996a, p. 194).

Это существенное отличие от категорий природы. В рамках их таблицы (будь то под каждым названием или между ними) нет ни прогресса, ни перехода от одного типа категорий к другому. Следовательно, этот прогресс или переход должны быть обусловлены особенностью практического разума, а именно тем, что разум имеет *двойное* практическое применение. Разум может определять волю к действию либо в соответствии с предпосылками ощущения удовольствия или неудовольствия, либо в соответствии с моральным законом. Это двустороннее применение влияет и на категории, поскольку они, похоже, охватывают не только чистую волю, но и эмпирическую, то есть практический разум *как таковой* (см.: Michaelis, 1796, S. 197)¹⁷.

6. Концептуальное содержание категорий свободы

6.1. Категории количества

Первый квадрант таблицы суждений, из которой выводятся категории количества, озаглавлен «Количество суждений» (A 70 / B 95; Кант, 2006, с. 161). Под этим заголовком Кант перечисляет три момента: «всеобщие», «частные» и «единичные». По своему логическому количеству суждение является всеобщим, частным или единичным. В каждом соединении представлений должна быть указана сфера соединенных представлений, то есть множество «того, что подчинено понятию субъекта» (A 71 / B 96; Кант, 2006, с. 161). Как много эле-

¹⁷ Комментаторы неправильно понимают Канта, когда считают, что он рассматривает категории свободы как «*modi* одной-единственной категории, а именно категории причинности» (AA 05, S. 65; Кант, 1997, с. 445) и, следовательно, только как категории чистой воли. Ведь субъектом предложения являются «понятия добра и зла»; именно эти понятия, как считается, «предполагают... причинность чистого разума». Об этом недоразумении см. напр.: (Bendavid, 1796, S. 25; Mellin, 1800, S. 600; Beck, 1960, p. 145; Kobusch, 1990, S. 27; Fulda, 2006, S. 199).

This is a significant difference to the categories of nature. There is no progress or transition from one type of category to another within their table (be that under each title or amongst them). This progress or transition must hence be due to the peculiarity of practical reason, namely that reason has a *twofold* practical use. Reason can determine the will to an action either under the presupposition of a feeling of pleasure and displeasure, or under that of the moral law. This twofold use also affects the categories as they seem to cover not only the pure will but also the empirical, i.e. practical reason *as such* (see already Michaelis, 1796, p. 197).²⁰

6. The Conceptual Content of the Categories of Freedom

6.1. The Categories of Quantity

The first quadrant of the table of judgments from which the categories of *quantity* are derived is entitled “Quantity of Judgments” (*KrV*, A 70 / B 95; Kant, 1998, p. 206). Under this title Kant lists three moments: “Universal”, “Particular” and “Singular”. In terms of its logical quantity, a judgement is a universal, a particular or a singular one. In every connection of representations, the domain of the connected representations must be specified, the set of “what is contained under the concept of the subject” (*KrV*, A 71 / B 96; Kant, 1998, p. 207). How many elements of this set are concerned? The domain is either not restricted so that all elements are

²⁰ Commentators misunderstand Kant when they think he considers the categories of freedom to be “*modi* of a single category, namely that of causality” (*KpV*, AA 05, p. 65; Kant, 1996a, p. 192) and hence as categories of the pure will only. For the subject of the sentence is “the concepts of good and evil”; it is *these concepts* which are considered to “presuppose [...] a causality of pure reason”. For this misunderstanding, see e.g. Bendavid (1796, p. 25), Mellin (1800, p. 600), Beck (1960, p. 145), Kobusch (1990, p. 27) and Fulda (2006, p. 199).

ментов охватывает это множество? Либо область не ограничена, так что речь идет обо всех ее элементах, либо она ограничена, так что речь идет либо о некоторых, либо только об одном элементе¹⁸.

Кант не дает четкого описания категорий свободы, вытекающих из этих логических функций. В отличие от первой «Критики», для обозначения чистых понятий рассудка он использует более длинные формулировки, снабженные дополнениями в скобках. В этом квадранте он отмечает на первом месте «Субъективно, согласно максима́м (индивидуальные мнения воли [Willensmeinungen])», на втором месте «Объективно, согласно принципам (предписания)» и на третьем месте «Как *a priori* объективные, так и субъективные принципы свободы (законы)» (AA 05, S. 66; Кант, 1997, с. 449).

Хотя Кант почти не комментирует таблицу категорий, количественные категории являются единственным исключением. Вслед за таблицей, в самом последнем абзаце главы, он замечает: «Так, например, из приведенной таблицы, из ее первого номера, сразу видно, с чего надо начинать в практических исследованиях — с максим, которые каждый основывает на своей склонности, [затем переходить] к предписаниям, которые имеют силу для известного рода разумных существ, поскольку они сходятся в каких-то склонностях, и, наконец, к закону, который имеет силу для всех безотносительно к их склонностям и т.д.» (AA 05, S. 67; Кант, 1997, с. 451). Поскольку Кант использует в своем комментарии только термины «максимы», «предписания» и «законы», мы можем предположить, что это и есть надлежащие категории. Эти термины также присутствуют в таблице, а читателю они знакомы по первой «Критике»

¹⁸ Например, понятия «человек» и «смертный» с точки зрения количества могут быть связаны тремя способами: «Все люди смертны», «Некоторые люди смертны» или «Кай смертен». Такой пример приводится также в § 21 руководства к лекциям Канта по логике под редакцией Йеше (см.: AA 09, S. 102; Кант, 1994б, с. 357).

concerned, or it is restricted so that either some or only one element is concerned.²¹

Kant does not clearly denominate the categories of freedom derived from these logical functions. Unlike in the first *Critique* for the pure concepts of the understanding, he uses longer formulations supplemented by additions in brackets. In this quadrant, he notes in the first place “Subjective, in accordance with maxims (*intentions of the will* [Willensmeinungen] of the individual)”, in the second place “Objective, in accordance with principles (*precepts*)” and in the third place “*A priori* objective as well as subjective principles of freedom (*laws*)” (KpV, AA 05, p. 66; Kant, 1996a, p. 193).

Although Kant leaves the table of categories almost uncommented on, the quantitative categories are the only exception. Following the table, in the very last paragraph of the chapter, he remarks: “Thus, for example, one knows at once from the above table and its first number where one has to set out from in practical considerations: from the maxims that each bases on his inclination, from the precepts that hold for a species of rational beings insofar as they agree in certain inclinations, and finally from the law that holds for all without regard for their inclinations, and so forth” (KpV, AA 05, p. 67; Kant, 1996a, p. 194). Since Kant only uses the terms “maxims”, “precepts” and “laws” in his commentary, we may assume that these are the proper categories. These terms also appear in the table, and the reader will know them from the first *Critique* and the *Groundwork*. Furthermore, the second *Critique* engages with these terms from the beginning (cf. KpV, AA 05, p. 19; Kant, 1996a, p. 153); later the *Metaphysics of Morals* does this also. I therefore assume that

²¹ In terms of quantity, e.g. the concepts human and mortal can be connected in three ways: ‘All humans are mortal’, ‘Some humans are mortal’, or ‘This human is mortal’. This is also the example in §21 of the manual for Kant’s lectures on logic edited by Jäsche (cf. *Log*, AA 09, p. 102; Kant, 1992b, p. 599).

и «Основоположению...». Более того, во второй «Критике» эти термины привлекаются с самого начала (AA 05, S. 19; Кант, 1997, с. 321); позднее это происходит и в «Метафизике нравов». Таким образом, я предполагаю, что категориями количества являются *максимы, предписания и законы*. Хотя Кант перечисляет эти категории во множественном числе, сами категории — это не множество максим, предписаний и законов. Скорее, они регулируют процесс формирования максим, предписаний и законов. Сами они существуют только в *единственном* числе: из первой категории возникает множество максим, из второй — множество правил, из третьей — множество законов¹⁹.

Категории количества указывают возможные ответы на вопрос, скольким субъектам будет принадлежать рассматриваемый объект: они количественно определяют *субъект* практического разума. Категория максимы представляет собой функцию единичных практических суждений, категория предписаний — функцию частных практических суждений, а категория закона — функцию универсальных практических суждений. Максимы содержат определение воли, действительное для *одного* субъекта («Я хочу вернуть депозит»), предписания — для *некоторых* («Некоторые хотят вернуть депозит»), а законы — для всех субъектов («Все хотят вернуть депозиты»)²⁰.

В практическом суждении синтезируются субъект воли и ее объект. В отличие от теоретических суждений, они включают в себя и *самосознание*. Если субъект имеет опыт, он обязательно уже осознает этот опыт как свой собственный, ему достаточно просто быть способным осознать его как свой собственный. На-

¹⁹ Здесь, как и везде у Канта, предписание — это гипотетический императив (см.: AA 05, S. 20, 26, 33, 62; Кант, 1997, с. 325, 337, 355, 437; AA 06, S. 221; Кант, 2014, с. 65).

²⁰ Существует полное согласие в толковании первого квадранта среди комментаторов (Mellin, 1800, S. 599–601; Pieper, 1973, S. 149; Bobzien, 1988, S. 211; Kobusch, 1990, S. 28; Simon, 1990, S. 125; Graband, 2005, S. 54–56; Bader, 2009, p. 807; Puls, 2013, S. 93–94; Bojanowski, 2015, p. 214; Zimmermann, 2016в, S. 230–232).

the categories of quantity are *maxim, precept and law*. Although Kant lists these categories in the plural, the categories themselves are not many maxims, precepts and laws. Rather, they regulate the formation of maxims, precepts and laws. They themselves exist only in the *singular*: from the first category arise the many maxims, from the second the many rules, and from the third the many laws.²²

The categories of quantity state the possible answers to the question of how many subjects will the object in question: They quantify the *subject* of practical reason. The category of maxim is the function for singular practical judgements, that of precept is the function for particular practical judgements, and the category of law that for universal practical judgements. Maxims contain a determination of the will which is valid for *one* subject ('I want to return deposits'), precepts contain one which is valid for *some* ('Some want to return deposits'), and laws contain one which is valid for *all* subjects ('All want to return deposits').²³

In a practical judgement, the subject of the will and its object are synthesised. Unlike theoretical judgements, they include *self-consciousness*. When a subject has an experience, it need not already be conscious of that experience as its own experience; it only needs to be able to become conscious of it as its own experience. On the contrary, when a subject determines its will to an action, it already has reflexive consciousness of itself as determining its will.²⁴

In this quadrant a *progress or transition* takes place "from those [categories – S.Z.] which are

²² Here, as elsewhere for Kant, a precept is a hypothetical imperative (cf. *KpV*, AA 05, pp. 20, 26, 33, 62; Kant, 1996a, pp. 154, 159, 166, 190; *MS RL*, AA 06, p. 221; Kant, 1996d, p. 376).

²³ There is broad agreement among commentators on the interpretation of the first quadrant (cf. Mellin, 1800, pp. 599-601; Pieper, 1973, p. 149; Bobzien, 1988, p. 211; Kobusch, 1990, p. 28; Simon, 1990, p. 125; Graband, 2005, pp. 54-56; Bader, 2009, p. 807; Puls, 2013, pp. 93-94; Bojanowski, 2015, p. 214; Zimmermann, 2016c, pp. 230-232).

²⁴ For practical self-consciousness, see Allison (1995, p. 40).

против, когда субъект определяет свою волю к действию, он уже обладает рефлексивным сознанием себя как определяющего свою волю²¹.

В этом квадранте происходит *прогресс* или же *переход* категорий «от морально еще не определенных и чувственно обусловленных к тем, которые не обусловлены чувственностью и определяются только моральным законом» (AA 05, S. 66; Кант, 1997, с. 447). Каждая из категорий максим и предписаний является функцией *эмпирической* воли. Их применение прямо или косвенно предполагает чувство удовольствия или неудовольствия. Однако категория законов является функцией *чистой* воли. Хотя Р. Дж. Бентон выступает за неморальное понимание этой категории (Benton, 1980, p. 187; см. также: Bobzien, 1988, S. 211), ее применение предполагает свободу; хотя Кант все еще говорит о законах в неморальном смысле в первой «Критике» (см.: А 800 / В 828, А 806 / В 834; Кант, 2006, с. 973, 1013) и снова во второй «Критике» (см.: AA 05, S. 33, 44; Кант, 1997, с. 357, 381), согласно его комментарию к первому квадранту, закон «имеет силу для всех безотносительно к их склонностям» (AA 05, S. 67; Кант, 1997, с. 451) и, следовательно, является законом свободы.

6.2. Категории качества

Кант также не дает четкого обозначения категориям качества. В этом квадранте на первом месте находятся «Практические правила *действия*», на втором — «Практические правила *недеяния*», на третьем — «Практические правила *исключений*» (AA 05, S. 66; Кант, 1997, с. 449). В скобках Кант добавляет латинские выражения из немецкой философской школы. Эти выражения призваны облегчить понимание того нового, что есть в его моральной философии, связывая его с уже привычным для читателя его времени (см., напр.: Wolff, 1754, § 2; Baumgarten, 1760, § 68).

²¹ О практическом самосознании см.: (Allison, 1995, p. 40).

as yet morally undetermined and sensibly conditioned categories to those which, being sensibly unconditioned, are determined only by the moral law" (*KpV*, AA 05, p. 66; Kant, 1996a, p. 193). Each of the categories for maxims and precepts are a function of the *empirical* will. Their application directly or indirectly presupposes a feeling of pleasure or displeasure. The category for laws, however, is a function of the *pure* will. While Robert J. Benton (1980, p. 187) advocates for a non-moral sense of this category (see also Bobzien, 1988, p. 211), its application presupposes freedom; although Kant still speaks of laws in a non-moral sense in the first *Critique* (cf. *KrV*, A 800 / B 828, A 806 / B 834; Kant, 1998, pp. 674, 677) and again in the second *Critique* (cf. *KpV*, AA 05, pp. 33, 44; Kant, 1996a, pp. 166, 175), according to his commentary on the first quadrant, a law "holds for all without regard for their inclinations" (*KpV*, AA 05, p. 67; Kant, 1996a, p. 194) and is thus one of freedom.

6.2. The Categories of Quality

Kant also does not clearly denominate the categories of quality. In this quadrant we find in the first place "Practical rules of *commission*", in the second place "Practical rules of *omission*", and in the third place "Practical rules of *exceptions*" (*KpV*, AA 05, p. 66; Kant, 1996a, pp. 193-194). In brackets, Kant adds Latin expressions from German school philosophy. These expressions are meant to facilitate the understanding of what is new in his moral philosophy by linking it to what is already familiar to his contemporary reader (e.g. see Wolff, 1754, §2; Baumgarten, 1760, §68).

We may assume that the proper categories are *commission*, *omission* and *exception*, for Kant often uses the contrast between committing and omitting to express a difference concerning that which is intended (cf. *GMS*, AA 04, pp. 405, 406; Kant, 1996b, pp. 59, 61; *ZeF*, AA 08, p. 370; Kant, 1996e, p. 339; *MS RL*, AA 06, pp. 213, 215;

Мы можем предположить, что надлежащими категориями являются *действие*, *недеяние* и *исключение*, поскольку Кант часто использует контраст между действованием и недеянием, чтобы выразить различие относительно намерения (AA 04, S. 405, 406; Кант, 1994д, с. 166–167; AA 08, S. 370; Кант, 1994и, с. 429; AA 06, S. 213, 215; Кант, 2014, с. 41, 47). Это справедливо и в отношении предписаний долга; долг тоже обязывает делать что-то или воздерживаться от чего-то²². Исключение (*Ausnahme*) здесь не следует понимать в смысле дозволения, как утверждают Л. У. Бек и Б. Хаас (см.: Beck, 1960, p. 146; Haas, 1997, S. 60), поскольку дозволенное *само* является категорией, хотя и находящейся в квадранте модальности.

Тот факт, что Кант снова говорит о «практических правилах» во множественном числе, не означает, что категории качества сами являются такими правилами. Напротив, они регулируют формирование практических правил. Сами категории существуют только в *единственном числе*: из первой категории возникают «Практические правила *действия*», из второй — «Практические правила *недеяния*», из третьей — «Практические правила *исключений*».

Логические функции, стоящие за этими категориями свободы, находятся во втором квадранте таблицы суждений. Он называется «Качество» (A 70 / B 95; Кант, 2006, с. 161) и обозначает качество суждений. Под этим названием перечислены три аспекта: «утвердительное», «отрицательное» и «бесконечное» (суждение), то есть по своему логическому качеству суждение является утвердительным, отрицательным или бесконечным.

При соединении представлений необходимо определить, относится ли то, что относится ко второму из соединяемых представле-

Kant, 1996d, pp. 374, 370). This is equally true of that which duty prescribes; duty too prescribes that one do something or refrain from doing something.²⁵ An exception (*Ausnahme*) here is not to be understood in the sense of a permission, as Beck (1960, p. 146) and Bruno Haas (1997, p. 60) maintain, because the permitted is *itself* a category, albeit one in the quadrant of modality.

The fact that Kant again speaks of “Practical rules” in the plural does not mean that the qualitative categories are themselves such rules. Rather, they regulate the formation of practical rules. The categories themselves exist only in the *singular*: from the first category arise “Practical rules of *commission*”, from the second “Practical rules of *omission*”, and from the third “Practical rules of *exceptions*”.

The logical functions standing behind these categories of freedom are located in the second quadrant of the table of judgements. This quadrant is entitled “Quality” (*KrV*, A 70 / B 95; Kant, 1998, p. 206) and signifies the quality of judgements. Under this title, three moments are listed: “Affirmative”, “Negative”, and “Infinite”. In terms of its logical quality, a judgement is an affirmative, a negative, or an infinite one.

Whenever representations are connected, it must be specified whether that which falls under the second of the connected representations also falls under the first one. Is this element “attributed to the subject or opposed to it” (*KrV*, A 72 / B 97; Kant, 1998, p. 207)? Our intellect either attributes a feature to the subject (is x) or opposes a feature to it (is not x). Or our intellect affirms the negation; a certain feature is negated and an indefinite other one affirmed (is not-x).²⁶

²⁵ Cf. *NG*, AA 02, p. 183; Kant, 1992a, p. 221; *KrV*, A 807 / B 835, A 841 / B 869; Kant, 1998, pp. 678, 696; *GMS*, AA 04, pp. 413, 455–456; Kant, 1996b, pp. 66, 102; *MS RL*, AA 06, p. 223; Kant, 1996d, p. 378; *MS TL*, AA 06, pp. 419, 433n; Kant, 1996d, pp. 545, 556n; *RGV*, AA 06, pp. 5, 103, 176; Kant, 1996c, pp. 58, 137, 195.

²⁶ In terms of quality, e.g. the concepts ‘human’ and ‘mortal’ can be connected in three ways: ‘The soul is mortal’, ‘The soul is not mortal’, and ‘The soul is non-mortal’. See *KrV*, A 72–73 / B 97–98; Kant, 1998, pp. 207–208; *Log*, AA 09, pp. 104; Kant, 1992b, p. 600.

²² См.: (AA 02, S. 183; Кант, 1994г, с. 59; A 807 / B 835, A 841 / B 869; Кант, 2006, с. 1015, 1053; AA 04, S. 413, 455; Кант, 1994д, с. 199, 249; AA 06, S. 223; Кант, 2014, с. 69; AA 06, S. 419, 433 Anm.; Кант, 2019, с. 105–107, 137; AA 06, S. 5, 103, 176; Кант, 1994з, с. 7, 107, 190).

ний, также и к первому. «Приписывается ли... [этот элемент] субъекту или противопоставляется ему?» (А 72 / В 97; Кант, 2006, с. 163). Наш интеллект либо приписывает субъекту свойство (есть *x*), либо противопоставляет ему свойство (не есть *x*). Или же наш рассудок производит отрицание; определенный признак отрицается, а другой, неопределенный, утверждается (не является *x*)²³.

Как объясняет Кант, в бесконечном суждении мыслится «исключение [*Ausnahme*]». Элемент, который относится к сфере одного представления, оказывается вне области другого; он исключается из нее. Однако это происходит таким образом, что данный элемент попадает в сферу некоторого другого представления, хотя и остается неустановленным, какого именно. Таким образом, возможности остаются бесконечными.

Категории качества определяют возможные ответы на вопрос о том, желает ли субъект объект. Приписывается ли данное намерение субъекту или противопоставляется ему? Они квалифицируют субъект практического разума, утверждая или отрицая его. Категория действия — это функция утвердительных практических суждений, а категория недеяния — функция отрицательных практических суждений. Намерение *приписывается* субъекту («Я хочу вернуть депозит») или *противопоставляется* ему («Я не хочу возвращать депозит»).

Категория исключения — это функция для бесконечных практических суждений. Важно отметить, что Кант по-разному использует немецкий термин *Ausnahme*. В большинстве случаев он применяет его в устоявшемся значении, которое является переносным: отступление от

As Kant explains, with an infinite judgement an “exception [*Ausnahme*]” is thought. The element which belongs to the sphere of one representation is placed outside the sphere of the other representation; it is excluded from it. Yet, this happens in such a way that the element in question is put into the sphere of some other representation, though it remains unspecified which representation that is. Thus, the possibilities remain infinite.

The categories of quality state the possible answers to the question of whether the subject wills the object. Is the intention in question “attributed to the subject or opposed to it”? They qualify the *subject* of practical reason by affirming or negating its object. The category of commission is the function for affirmative practical judgements and that of omission is the function for negative practical judgements. An intention is *attributed* to the subject (‘I want to return deposits’) or *opposed* to it (‘I do not want to return deposits’).

The category of exception is the function for infinite practical judgements. It is important to note that Kant employs the German term *Ausnahme* in different ways. In most cases, he uses it by the established meaning, which is its figurative one: a deviation from a rule, a special case. Here, however, the term is used in its literal meaning, that being the act of taking something out of something else (see also *MS RL*, AA 06, p. 233; Kant, 1996d, p. 390).²⁷ A certain determination of the will is *negated* and another indefinite one is *affirmed*; the subject remains open to infinitely many other determinations (‘I want to do everything except to return deposits’).²⁸

In this quadrant *no* progress or transition takes place. Due to a different interpretation of ‘exception’ (without recourse to the table of judgements), Bader (2009, p. 810) maintains

²³ С точки зрения качества, например, понятия «человек» и «смертный» могут быть связаны тремя способами: «Душа есть нечто смертное», «Душа бессмертна» и «Душа есть нечто несмертное». См.: (А 72–73 / В 97–98; Кант, 2006, с. 163; АА 09, S. 104; Кант, 1994б, с. 358–359).

²⁷ This is also the etymology of the English ‘exception’, which comes from the Latin *exceptio* (*ex*, out, and *capere*, to take). See in detail Zimmermann (2023).

²⁸ Although Puls (2013, pp. 94–95) also draws on the underlying thinking function, he comes to a different conclusion.

правила, особый случай. Однако в данном случае термин употребляется в буквальном значении, а именно как акт изъятия чего-либо из чего-то (см. также: AA 06, S. 233; Кант, 2014, с. 97)²⁴. Некоторое определение воли *отрицается* и *утверждается* другое, неопределенное; субъект остается открытым для бесконечно многих других определений («Я хочу делать все, кроме возвращения депозита»)²⁵.

В этом квадранте *нет* ни прогресса, ни перехода. В силу иной интерпретации исключений (без обращения к таблице суждений) Бадер утверждает, что третья категория является функцией чистой воли (Bader, 2009, p. 810; см. также: Graband, 2005, S. 57); но также она может быть функцией эмпирической воли. Все категории относятся к «практическому разуму вообще» или «практическим принципам вообще». Действование или недеяние, а также исключение (в кантовском понимании) могут происходить либо под влиянием предпосылок свободы, либо под влиянием ощущения удовольствия и неудовольствия (см. также: Mellin, 1800, S. 602; Benton, 1980, p. 185).

6.3. Категории отношения

Как и прежде, Кант не обозначает категорию отношения четко. Он снова использует более пространственные и на этот раз даже фрагментарные формулировки. В этом квадранте мы находим на первом месте «К личности», на втором — «К состоянию лица», на третьем — «Обоюдно одной личности к состоянию другой» (AA 05, S. 66; Кант, 1997, с. 449). Остается невысказанным то, что стоит в отношении «к личности» или «к состоянию лица».

Понятия «личность» и «лицо» возникают в первой «Критике». Они появляются в споре

²⁴ Такова же этимология английского «exception» (исключение), которое происходит от латинского *exceptio* (*ex* «из» и *capere* «брать»). См. подробнее: (Zimmermann, 2023).

²⁵ Пульс приходит к другому выводу, хотя тоже опирается на базовую функцию мышления (Puls, 2013, S. 94–95).

that the third category is a function of the pure will (see also Graband, 2005, p. 57); but it can also be a function of the empirical will. All of the categories concern “practical reason in general” or “practical principles in general”. The commission or omission of an action as well as an exception (in Kant’s sense of the word) can take place either under the presupposition of freedom or under that of a feeling of pleasure and displeasure (see also Mellin, 1800, p. 602; Benton, 1980, p. 185).

6.3. The Categories of Relation

As before, Kant does not denominate the categories of relation clearly. He again uses longer and this time even fragmentary formulations. In this quadrant we find in the first place “To personality”, in the second place “To the state of the person” and in the third place “Reciprocally, of one person to the state of others” (*KpV*, AA 05, p. 66; Kant, 1996a, pp. 193-194). What remains unsaid is that which stands in relation to “personality” or “the state of the person”.

The concepts of “personality” and “person” have their origin in the first *Critique*. They occur in Kant’s argument against rational psychology. According to the second *Critique*, the subject of thinking has personality if it is the “subject of the moral law” (*KpV*, AA 05, p. 87; Kant, 1996a, p. 210).²⁹ And the subject of thinking is a person if it is also subject to impulses of sensibility. A person is, as it were, personality under finite conditions.³⁰

The logical functions standing behind these categories of freedom are located in the third quadrant of the table of judgements. This quad-

²⁹ For more detail on this point, see Zimmermann (2016a).

³⁰ In this sense, Kant speaks of the humanity *in my person* (cf. *GMS*, AA 04, pp. 429-430; Kant, 1996b, pp. 80-81; *KpV*, AA 05, pp. 87, 88, 131; Kant, 1996a, pp. 210, 245; *ZeF*, AA 08, p. 345; Kant, 1996e, p. 318; *MS RL*, AA 06, pp. 236, 270; Kant, 1996d, pp. 392, 421). For this, see Ne-non (1993).

Канта с рациональной психологией. В соответствии со второй «Критикой», субъект мышления является личностью, если он является «субъектом морального закона» (AA 05, S. 87; Кант, 1997, с. 513)²⁶. Субъект мышления является лицом, если он также подвержен импульсам чувственности. Лицо — это своего рода личность в конечных условиях²⁷.

Логические функции, стоящие за этими категориями свободы, расположены в третьем квадранте таблицы суждений. Он озаглавлен «Отношение» (A 70 / B 95; Кант, 1997, с. 161) и обозначает связь суждений. Под этим названием перечислены три аспекта: «категорическое», «гипотетическое» и «дизъюнктивное» (суждение), то есть с точки зрения логического отношения суждение является категорическим, гипотетическим или дизъюнктивным.

Всякий раз, когда представления связаны между собой, необходимо определить отношения между связанными представлениями, а заодно и отношения между соответствующими объектами. Как они соотносятся друг с другом? Согласно Канту, репрезентации суждения и соответствующие объекты образуют «корреляты» (B 110). Оба коррелята применяются одновременно и указывают на внутреннее отношение суждения: они являются взаимодополняющими детерминациями суждения. В случае категорического суждения «два понятия» соотносятся как «субъект» и «предикат» (A 73 / B 98; Кант, 2006, с. 164)²⁸, в случае гипотетического суждения — «два суждения» как «основание» и «следствие»²⁹, а в случае дизъюнктивного суждения — «несколько суждений» как «члены» «деления»³⁰.

²⁶ Более подробно об этом см.: (Zimmermann, 2016a).

²⁷ В этом смысле Кант говорит о человечестве в моем лице (см.: AA 04, S. 429–430; Кант, 1994д, с. 167–173; AA 05, S. 87, 88, 131; Кант, 1997, с. 513, 645; AA 08, S. 345; Кант, 1994и, с. 389; AA 06, S. 236, 270; Кант, 2014, с. 441; Кант, 2019, с. 25). См. об этом: (Nenon, 1993).

²⁸ «Все тела делимы» (AA 09, S. 106; Кант, 1994б, с. 360).

²⁹ «Если все тела сложны, то они делимы» (AA 09, S. 106; Кант, 1994б, с. 360).

³⁰ «Ученый есть ученый или исторических, или рациональных наук» (AA 09, S. 107; Кант, 1994б, с. 362).

rant is entitled “Relation” (*KrV*, A 70 / B 95; Kant, 1998, p. 206) and signifies the relation of judgements. Under this title, three moments are listed: “Categorical”, “Hypothetical” and “Disjunctive”. In terms of its logical relation, a judgement is a categorical, a hypothetical or a disjunctive one.

Whenever representations are connected, the relation between the connected representations must be specified — and, at the same time, that between the corresponding objects. How do they relate to one another? As Kant puts it, the representations of the judgement and the corresponding objects form “correlates” (*KrV*, B 110). Both correlates are applied simultaneously and specify the internal relation of a judgement: they are *complementary* determinations of a judgement. In the case of a categorical judgement, “two concepts” are related as “subject” and “predicate” (*KrV*, A 73 / B 98; Kant, 1998, p. 208),³¹ in the case of a hypothetical judgement “two judgments” as “ground” and “consequence”,³² and in that of a disjunctive judgement “several judgments” as “members” of a “division”.³³

A relation is also indicated by the preposition “to”, which Kant uses to formulate the first two relational categories. Although he does not mention the second *relatum*, it must be the *object* of practical reason: it is this object which is related to the subject of practical reason, more precisely to the personality or to the state of the person. While Simon (1990, p. 126) holds (without recourse to the table of judgements) that these categories establish relations between persons, they state the possible answers to the question of how the subject and the object of the will relate to *one another*. While Graband

³¹ “All bodies are divisible” (*Log*, AA 09, p. 106; Kant, 1992b, p. 602).

³² “If all bodies are composite, then they are divisible” (*Log*, AA 09, p. 106; Kant, 1992b, p. 602).

³³ “A learned man is learned either historically or in matters of reason” (*Log*, AA 09, p. 107; Kant, 1992b, p. 603).

Отношение также обозначается предлогом «к», который Кант использует в формулировке первых двух категорий, составляющих отношение. Хотя он не упоминает второй релатум, последний должен быть *объектом* практического разума: именно этот объект связан с субъектом практического разума, а именно с личностью или состоянием лица. Вопреки утверждению Саймона (которое не опирается на таблицу суждений), что эти категории устанавливают отношения между людьми (Simon, 1990, S. 126), они указывают возможные ответы на вопрос о том, как субъект и объект воли соотносятся друг с другом. И хотя Грабанд (который также не опирается на таблицу суждений) полагает, что речь идет об отношении практического суждения к чему-то другому (Graband, 2005, S. 57), это отношение внутри такого суждения³¹.

Первая категория является функцией для категорических практических суждений, вторая — для гипотетических практических суждений. В одном случае субъект определяется как личность и связан с объектом категорически («Я хочу вернуть депозит»), в другом случае субъект определяется как лицо и связан с объектом гипотетически. В отличие от Грабанда и Бобзиен (см.: Graband, 2005, S. 59–60; Bobzien, 1988, S. 211–212), релевантное состояние человека — это состояние чувствования. Удовольствие или неудовольствие является основанием для желания объекта как следствия («Поскольку я заинтересован в возвращении депозита, я хочу это сделать») (см.: AA 02, S. 181; Кант, 1994г, с. 57; AA 05, S. 60, 116; Кант, 1997, с. 429, 599; AA 04, S. 454; Кант, 1994д, с. 241–243; см.: Beck, 1960, p. 148).

Что касается второго релатума, то мы можем думать о добре (*Gute*) и зле (*Böse*), а также о благе (*Wohl*) и несчастье (*Übel*) (см. также: Bobzien, 1988, S. 211). Собственно, именно с анализа этих понятий и начинается вторая большая глава

³¹ Желательное «я» неоднозначно и должно быть прояснено. Это делается с помощью категорий отношения. Кому адресовано высказывание «я хочу» в каждом конкретном случае? Какой субъект желает? Субъект как *личность* или как *лицо*? Чистый субъект или эмпирический субъект?

(2005, p. 57) maintains (also without recourse to the table of judgements) that the relation in question is that of a practical judgement to something else, it is the relation *within* such a judgement.³⁴

The first category is the function for categorical practical judgements and the second for hypothetical practical judgements. In one case, the subject is specified as personality and related to the object in a categorical way ('I want to return deposits'), in the other case, the subject is specified as a person and related to the object in a hypothetical way. Contrary to Graband (2005, pp. 59-60) and Bobzien (1988, pp. 211-212), the relevant state of the person is a state of feeling. A pleasure or displeasure is the ground for willing the object as consequence ('Because I am interested in returning deposits, I want to do so') (cf. NG, AA 02, p. 181; Kant, 1992a, p. 220; KpV, AA 05, p. 60, 116; Kant, 1996a, pp. 188, 233; GMS, AA 04, p. 454; Kant, 1996b, p. 101; see also Beck, 1960, p. 148).

Concerning the second relatum, we might think of the good (*das Gute*) and evil (*das Böse*), as well as the well-being (*Wohl*) and woe (*Übel*) (see also Bobzien, 1988, p. 211). For, after all, the second main chapter of the second *Critique* begins with an analysis of these very concepts. Although they are not categories themselves, it could be possible that they belong to the categories. Good and evil are "concept[s] of an object of pure practical reason" (KpV, AA 05, p. 57; Kant, 1996a, p. 186), while well-being and woe are concepts of an object of empirical practical reason (cf. KpV, AA 05, pp. 59-60; Kant, 1996a, p. 188). Good and evil are the correlates to the concept of personality, while well-being and woe are the correlates to the concept of a person.

³⁴ The 'I' that desires is ambiguous and has to be *disambiguated*. This is done by the categories of relation. For whom is meant in each case when we say 'I will'? Which subject is desiring? The subject as *personality* or as *person*? The pure subject or the empirical subject?

второй «Критики». Хотя сами они не являются категориями, вполне возможно, что они относятся к категориям. Добро и зло — это «поняти[я] предмета чистого практического разума» (AA 05, S. 57; Кант, 1997, с. 421), а благо и несчастье — понятия предмета эмпирического практического разума (AA 05, S. 59–60; Кант, 1997, с. 429). Добро и зло — это корреляты понятия личности, а благо и несчастье — понятия лица.

Третья категория отношений — это функция дизъюнктивных практических суждений. Как пишет Кант, она обращена только к объекту воли. Однако могу ли я предполагать, что другой человек намеревается что-то сделать? Согласно лежащей в основе логической функции, деление должно касаться субъекта воли; это должен быть именно субъект воли, подлежащий делению. Отношение «либо-либо» устанавливает ограничение на то, что субъект намерен сделать, и в то же время выражает неопределенность в отношении выбора намерения, которое субъект реализует: «Я хочу либо то, либо это» («Либо я просто хочу вернуть депозит, либо я хочу вернуть депозит, потому что я в этом заинтересован»).

Такая интерпретация, хотя и противоречит таблице категорий в том виде, в каком ее представляет Кант, согласуется с соответствующей логической функцией в таблице суждений. Так, первая категория отношения является функцией чистой воли, вторая — эмпирической воли, а последняя категория (в моей интерпретации) — функция сразу и чистой, и эмпирической воли. Воля субъекта здесь может быть направлена и на добро, и на зло, и на благо, и на несчастье.

6.4. Категории модальности

Категории модальности — единственные, которые Кант определяет четко. Как и в случае чистых понятий рассудка в первой «Критике», он описывает их, не прибегая к пространственным или фрагментарным формулировкам, без дополнений в скобках или латинских вы-

The third relational category is the function for disjunctive practical judgements. As Kant describes it, it addresses only the object of the will. However, can I intend that another person intends something? According to the underlying logical function, the division should address the subject of the will; it must be the will's subject which is divided. The either-or creates a restriction as to what the subject intends but, at the same time, an indecision is expressed as to which of these intentions the subject realises: 'I want either this or that' ('Either I simply want to return deposits, or I want to return deposits because I am interested in doing so').

This interpretation, although contrary to the table of categories as Kant presents it, is consistent with the respective logical function in the table of judgements. Thus, the first category of relation is a function of the *pure* will, the second of the *empirical* will, and the last category (as I interpret it) is a function of *both* the pure and the empirical will. The subject's will here can be directed towards both something good and evil, as well as well-being and woe.

6.4. The Categories of Modality

The categories of *modality* are the only ones that Kant denominates clearly. Like the pure concepts of the understanding in the first *Critique*, he describes them without longer or even fragmentary formulations, without additions in brackets, or Latin expressions from German school philosophy. In this quadrant Kant notes in the first place "The *permitted* and the *forbidden*", in the second place "Duty and what is *contrary to duty*", and in the third place "Perfect and *imperfect duty*" (KpV, AA 05, p. 66; Kant, 1996a, p. 194).

In general, these categories possess several *peculiarities* that set them apart from the other categories of freedom. However, the peculiarities in question have nothing to do with their denomination but rather with the fact that they are modal categories.

ражений из немецкой философской школы. В этом квадранте Кант помещает на первое место «Дозволенное и недозволенное», на второе — «Долг и противное долгу», на третье — «Совершенный и несовершенный долг» (AA 05, S. 66; Кант, 1997, с. 449).

В целом эти категории обладают рядом особенностей, которые отличают их от других категорий свободы. Однако данные нюансы связаны не с их деноминацией, а скорее с тем, что они являются модальными категориями.

Во-первых, данные категории образуют противопоставления. Даже если Кант не говорит об этом, второй элемент является отрицанием первого (x и не-x), так что не может быть никакого дополнительного элемента, и оппозиция является полной. Таким образом, всего насчитывается шесть модальных категорий. В немецком оригинале первая оппозиция звучит *das Erlaubte* и *das Unerlaubte*. В буквальном переводе последнее — это не «запрещенное» (forbidden), как переводит «Кембриджское издание сочинений Иммануила Канта», а «недозволенное». Так же выглядит и третья оппозиция: совершенный и несовершенный долг. Не совсем ясна в этом отношении только вторая оппозиция: по-немецки она звучит как *die Pflicht* и *das Pflichtwidrige*. К ней я вернусь чуть позже.

Четвертый квадрант таблицы суждений, из которой выводятся эти категории, озаглавлен «Модальность» (A 70 / B 95; Кант, 2006, с. 161) и обозначает модальность суждений. Под этим названием Кант перечисляет три аспекта: «проблематическое», «ассерторическое» и «аподиктическое» (суждение), то есть по своей логической модальности суждение является проблематическим, ассерторическим или аподиктическим³². Однако, как и в случае с катего-

³² Проблематические суждения, как поясняет Кант, — это те, «в которых утверждение или отрицание принимается только как возможное (по усмотрению). Ассерторическими называются суждения, в которых утверждение или отрицание рассматривается как действительное (истинное), а аподиктическими — те, в которых оно рассматривается как необходимое» (A 74 — 75 / B 100; Кант, 2006, с. 167; см. также: AA 04, S. 303; Кант, 1994ж, с. 61).

First, these categories form *contradictory* oppositions. Even if Kant does not say so, the second member is the negation of the first (x and non-x), so that there can be no additional member and the respective opposition is complete. Hence, there are six modal categories in total. In the German original, the first opposition reads “*das Erlaubte*” and “*das Unerlaubte*”. Literally translated, the latter is not the forbidden — as the *Cambridge Edition of the Works of Immanuel Kant* translates — but the *non-permitted*. This is also the case with the third opposition: perfect and *imperfect* duty. Only the second opposition is not quite clear in this respect; in German it reads “*die Pflicht*” and “*das Pflichtwidrige*”. I will return to this shortly.

The fourth quadrant of the table of judgements from which these categories are derived is entitled “Modality” (*KrV*, A 70 / B 95; Kant, 1998, p. 206) and signifies the modality of judgements. Under this title, Kant lists three moments: “Problematic”, “Assertoric”, and “Apodictic”. In terms of its logical modality, a judgement is a problematic, an assertoric, or an apodictic one.³⁵ However, as with the categories based on these functions, we are already dealing with “correlates” here. In the problematic judgement something is thought as *either possible or impossible*, in the assertoric judgement as *either actual or non-actual*, and in the apodictic judgement as *either necessary or contingent*.

Second, the modal functions are characterised by the fact that they “contribute nothing to the content of the judgment (for besides quantity, quality, and relation there is nothing more that constitutes the content of a judgment)” (*KrV*, A 74 / B 100; Kant, 1998, p. 209). Instead, they “concern only the value of the copula in

³⁵ “Problematic judgments”, as Kant explains, “are those in which one regards the assertion or denial as merely *possible* (arbitrary). Assertoric judgments are those in which it is considered *actual* (true). Apodictic judgments are those in which it is seen as *necessary*” (*KrV*, A 74-75 / B 100; Kant, 1998, p. 209; cf. *Prol*, AA 04, p. 303; Kant, 2002c, p. 96).

риями, опирающимися на эти функции, здесь мы также имеем дело с «коррелятами». В проблематическом суждении нечто мыслится или как возможное, или как невозможное, в ассерторическом — как действительное или недействительное, в аподиктическом — как необходимое или случайное.

Во-вторых, модальные функции характеризуются тем, что они ничего не прибавляют «к содержанию суждения (ибо кроме количества, качества и отношения нет ничего, что составило бы содержание суждения)» (А 74 / В 100; Кант, 2006, с. 165). Вместо этого они «касаются только значения связки по отношению к мышлению вообще» (А 74 / В 100; Кант, 2006, с. 165—167; см.: АА 09, S. 108; Кант, 1994б, с. 363). Эти функции определяют не содержание мысли, а скорее то, как именно она мыслится.

В каждом соединении представлений наш интеллект должен указать, как это соединение соотносится с другими. «Значение связки» является относительным; мысль приобретает логическую модальность, когда вступает в отношение с другой мыслью. Однако одновременно может применяться только один из коррелятов. Он определяет внешнее отношение суждения: корреляты здесь являются *взаимоисключающими* определениями суждения. Одно суждение мыслится как возможное или невозможное, действительное или недействительное, необходимое или случайное в свете некоторого предполагаемого суждения (см.: Abaci, 2019, p. 162—164).

Даже если Кант не высказывается именно так, модальные категории свободы должны характеризоваться тем фактом, что они ничего не вносят в содержание воли. Они определяют не ее объект, а то, как он волеизъявляется. С точки зрения практической модальности определение воли происходит по отношению к причине. Модальность практического суждения является относительной: практические суждения содержат определение воли, а их модальность уточняется в отношении причины, в соответствии с которой определяется воля.

relation to thinking in general” (*ibid.*; cf. *Log*, AA 09, p. 108; Kant, 1992b, p. 604). These functions do not specify the content of a thought but rather *how* it is thought.

In every connection of representations our intellect must specify how this connection relates to *others*. The “value of the copula” is a relative one; a thought is logically modalised when brought into a relation with another one. However, only one of the correlates is applied at a time. It specifies the external relation of a judgement: the correlates here are *mutually exclusive* determinations of a judgement. One judgement is thought to be possible or impossible, actual or non-actual, necessary or contingent in the light of some presupposed judgement (see Abaci, 2019, pp. 162-164).

Even if Kant does not say so, the modal categories of freedom must be characterised by the fact that they contribute nothing to the content of the will. They do not specify its object but rather *how* it is willed. In terms of its practical modality, a determination of the will takes place with regard to a reason. The modality of a practical judgement is a relative one: practical judgements contain a determination of the will, and their modality is specified with regard to the reason according to which the will is determined. The modal categories relate a practical judgement to the *determining ground* of the will.

More precisely, a practical judgement is morally modalised by being brought into a relation to a “moral law” as the determining ground of the “pure will” (*KpV*, AA 05, p. 65; Kant, 1996a, p. 192). Although Heiko Puls (with recourse to the table of judgements) as well as Mellin and Benton (without recourse to the table of judgements) argue for a non-moral sense of duty,³⁶ the categories of modality are

³⁶ Cf. Puls (2013, p. 101), Mellin (1802, p. 534) and Benton (1980, pp. 186, 189). See also Graband (2005, p. 62) and Bader (2009, pp. 815-816). The fact that there is no evidence for this reading in Kant is already considered by Beck to be a “fatal objection” (Beck, 1960, p. 150) for that reading.

Модальные категории относят практическое суждение к определяющему основанию воли.

А точнее, практическое суждение морально модализируется, будучи поставлено в отношение к «моральному закону» как определяющему основанию «чистой воли» (AA 05, S. 65; Кант, 1997, с. 443). Хотя Х. Пульс (ссылаясь на таблицу суждений), а также Меллин и Бентон (без опоры на таблицу) отстаивают неморальное чувство долга³³, категории модальности в целом являются функциями *чистой* воли. Ведь в конце концов Кант нигде не говорит о долге в неморальном смысле. В этом квадранте не происходит *никакого* прогресса или перехода от одного типа категорий к другому (см.: Bobzien, 1988, S. 212–213; Kobusch, 1990, S. 29; Pieper, 2002, S. 123; Wojanowski, 2015, p. 225).

Наконец, пары категорий располагаются в определенном *порядке*. Этот порядок можно обнаружить уже в модальных функциях. В первой «Критике» Кант замечает, что мы можем «спрашивать» о предмете суждения, — «только ли возможный он или действительный, и в последнем случае, не есть ли он также необходимый предмет?» (A 219 / B 266; Кант, 2006, с. 359). Только то, что логически возможно, может, кроме того, быть действительным, и только то, что логически действительно, может, кроме того, быть необходимым. Здесь есть последовательность условий. Если добавить соответствующую противоположность, то логическая возможность *переходит* в действительность и недействительность, а затем логическая действительность *переходит* в необходимость и случайность.

Поскольку модальные категории свободы основаны на этих функциях, то и в данном случае речь должна идти о той же последовательности условий: в каждой паре категорий первый элемент переходит в следующий. Кате-

³³ См.: (Puls, 2013, S. 101; Mellin, 1802, S. 534; Benton, 1980, p. 186, 189). См. также: (Graband, 2005, S. 62; Bader, 2009, p. 815–816). Тот факт, что у Канта нет доказательств в пользу этого толкования, Бек уже считает «фатальным аргументом против» (Beck, 1960, p. 150) такой интерпретации.

altogether functions of the *pure* will. For, after all, nowhere does Kant speak of duty in a non-moral sense. In this quadrant *no* progress or transition takes place from one type of category to another (cf. Bobzien, 1988, pp. 212-213; Kobusch, 1990, p. 29; Pieper, 2002, p. 123; Wojanowski, 2015, p. 225).

Finally, the pairs of categories are arranged in a certain *order*. This order can already be found in the modal functions. In the first *Critique* Kant remarks that we can “ask” about the object of a judgement “whether it is merely possible, or also actual, or, if it is the latter, whether it is also necessary” (*KrV*, A 219 / B 266; Kant, 1998, p. 322). Only what is logically possible can, in addition, be actual, and only what is logically actual can, in addition, be necessary. There is a sequence of conditions here. If we add the respective opposite, it is the logical possibility which *branches* into actuality and non-actuality, and then it is the logical actuality which *branches* into necessity and contingency.

Because the modal categories of freedom are based on these functions, the same sequence of conditions must be at stake here: it is the first member of each pair of categories that branches into the next one. The category of the permitted branches into the opposition of duty and what is contrary to duty, and the category of duty branches into the opposition of perfect and imperfect duty. Only what is permitted can, in addition, be duty or contrary to duty, and only what is duty can, in addition, be perfect or imperfect duty.

a) The Permitted and the Forbidden (Non-Permitted)

The category of the *permitted* arises from the function of “logical possibility” (*KrV*, A 75 / B 101; Kant, 1998, p. 209). Permitted is what is

гория дозволенного разветвляется на оппозицию между долгом и противным долгом, а категория долга — на оппозицию совершенного и несовершенного долга. Только то, что дозволено, может, кроме того, быть долгом или быть противным долгом, и только то, что является долгом, может, помимо этого, быть совершенным или несовершенным долгом.

А. Дозволенное и недозволенное

Категория дозволенного возникает из функции «логической возможности» (А 75 / В 101; Кант, 2006, с. 167). Дозволенное — это то, что морально возможно³⁴. Логически возможным, по Канту, является суждение, которое не противоречит уже предполагаемому суждению. Например, если мы «определим» понятие «холостяк» как неженатый мужчина, то можно будет заключить, что конкретный холостяк — мужчина³⁵. Следовательно, практическое суждение морально возможно, если оно не противоречит предполагаемому моральному закону. Например, желание вернуть депозит не противоречит закону, согласно которому депозиты возвращаются.

Категория запрещенного или, точнее, недозволенного возникает из функции логически невозможного; недозволенное — это то, что морально невозможно³⁶. Согласно Канту, логиче-

³⁴ Так говорит сам Кант во Введении к «Метафизике нравов» (АА 06, S. 221; Кант, 2014, с. 65). В сноске к Предисловию во второй «Критике» он также объясняет «дозволенное» как «практически объективно возможное» (АА 05, S. 11 Anm.; Кант, 1997, с. 303, примеч.).

³⁵ У человека есть «возможность по свободному выбору допускать, чтобы такое суждение было значимым»; это «чтобы рассудок понимал его лишь произвольно» (А 75 / В 101; Кант, 2006, с. 167). Согласно Канту, различие между логически возможным и невозможным основано на законе формальной логики, а именно на законе запрета противоречий (см.: АА 02, S. 278; Кант, 1994е, с. 400; АА 09, S. 52–53; Кант, 1994б, с. 307; АА 11, S. 45; АА 16, S. 257; АА 11, S. 260).

³⁶ Так говорит сам Кант во Введении к «Метафизике нравов» (АА 06, S. 221; Кант, 2014, с. 65). В сноске в Предисловии ко второй «Критике» он также объясняет «недозволенное» как «практически объективно... невозможное» (АА 05, S. 11; Кант, 1997, с. 303).

morally possible.³⁷ Logically possible, according to Kant, is a judgement which does *not* contradict a presupposed judgement. For instance, if we 'define' 'bachelor' as 'an unmarried man', it is possible to judge that a given bachelor is a man.³⁸ Consequently, a practical judgement is morally possible if it does *not* contradict a presupposed moral law. For instance, wanting to return a deposit does not contradict the law according to which deposits are returned.

The category of the forbidden or, more precisely, *non-permitted* arises from the function of the logically impossible; non-permitted is what is *morally impossible*.³⁹ Logically impossible, according to Kant, is a judgement which *does* contradict a presupposed judgement. For instance, if we define 'bachelor' as 'an unmarried man', it is impossible to judge that a given bachelor is not a man. Consequently, a practical judgement is morally impossible if it *contradicts* a presupposed moral law. For instance, not wanting to return a deposit contradicts the law according to which deposits are returned.

b) Duty and What Is Contrary to Duty

The category of *duty* originates from the function of "logical actuality or truth" (*KrV*,

³⁷ As Kant himself puts it in the "Introduction" to the *Metaphysics of Morals* (cf. MS RL, AA 06, p. 221; Kant, 1996d, p. 376). In a footnote of the "Preface" to the second *Critique*, he also explains "the permitted" as "the practically objectively possible" (*KpV*, AA 05, p. 11n; Kant, 1996a, p. 145n).

³⁸ One has the "free choice to allow such a proposition [a problematic proposition — S. Z.] to count as valid"; it is a "merely arbitrary assumption of it in the understanding" (*KrV*, A 75 / B 101; Kant, 1998, p. 209). According to Kant, the difference between the logically possible and impossible is based on a law of formal logic, namely the principle of contradiction (see FM, AA 02, p. 278; Kant, 2002b, pp. 368-369; *Log*, AA 09, pp. 52-53; Kant, 1992b, p. 560; Br, AA 11, p. 45; Kant, 1999, pp. 307-308; Refl 2167, AA 16, p. 257; Refl 2178, AA 11, p. 260).

³⁹ As Kant himself puts it in the "Introduction" to the *Metaphysics of Morals* (cf. MS RL, AA 06, p. 221; Kant, 1996d, p. 376). In the footnote of the "Preface" to the second *Critique*, he also explains the "forbidden [or non-permitted — S. Z.]" as "the practically objectively [...] impossible" (*KpV*, AA 05, p. 11; Kant, 1996a, p. 145n).

ски невозможным является суждение, которое *противоречит* предполагаемому. Например, если мы определяем «холостяка» как неженатого мужчину, то невозможно сделать вывод, что конкретный холостяк — не мужчина. Соответственно, практическое суждение является морально невозможным, если оно противоречит предполагаемому моральному закону. Например, нежелание возвращать депозит противоречит закону, по которому депозиты возвращают.

Б. Долг и противное долгу

Категория *долга* возникает из функции «логической действительности или истинности» (А 75 / В 101; Кант, 2006, с. 167). Для Канта суждение является логически действительным или истинным, если оно не только согласуется с другим суждением и тем самым является логически возможным, но, кроме того, в нем одно представление уже подразумевается в другом в соответствии с предполагаемым суждением. Например, в суждении «Этот холостяк — мужчина» второе отношение (мужчина) уже содержится в первом посредством определения «холостяк»³⁷.

Следовательно, долг — это то, что является морально действительным. Практическое суждение морально действительно, если оно не только согласуется с моральным законом и тем самым морально возможно (дозволено), но и если в нем, кроме того, одно представление уже подразумевается в другом согласно этому предполагаемому закону. Объект воли, например возвращение депозита, содержится в понятии

³⁷ Кант называет такое суждение *аналитическим*, поскольку его истинность может быть установлена только путем логического анализа (А 6–8 / В 10–12; А 150–152 / В 189–191; Кант, 2006, с. 61–63, 271; АА 04, S. 266–268; Кант, 1994ж, с. 17–19; АА 09, S. 111; Кант, 1994б, с. 365–366). Согласно Канту, различие между логически действительным и недействительным основано на законе формальной логики, а именно на принципе достаточного основания (АА 02, S. 278; Кант, 1994е, с. 400; АА 09, S. 52–54; Кант, 1994б, с. 307; АА 11, S. 45; АА 16, S. 257; АА 11, S. 260).

А 75 / В 101; Кант, 1998, p. 209). For Kant, a judgement is logically actual or true if it not only agrees with another judgement and is thus logically possible, but in which, moreover, one representation is already *implied* in the other according to that presupposed judgement. For instance, in the judgement ‘This bachelor is a man’, the latter representation (man) is already contained in the former due to the definition of ‘bachelor’.⁴⁰

Consequently, duty is what is *morally actual*. A practical judgement is morally actual if it not only agrees with a moral law and is thus morally possible (permitted), but in which, moreover, one representation is already *implied* in the other according to that presupposed law. The object of the will, e.g. to return a deposit, is contained in the concept of the will’s subject. The concept of the subject of will always already contains the moral laws that are only retroactively revealed to us through duty.⁴¹

The category of *what is contrary to duty* originates from the function of the logically non-actual. For Kant, a judgement is logically non-actual if it does not contradict another judgement and is thus logically possible, but in which, moreover, one representation is *not* already implied in the other according to that presupposed judgement. For instance, in the judgement ‘This bachelor is rich’, the latter

⁴⁰ Kant calls such a judgement *analytic* because its truth can be determined only by logical analysis (cf. *KrV*, A 6-8 / B 10-12; A 150-152 / B 189-191; Kant, 1998, pp. 141-143, 279-281; *Prol.*, AA 04, pp. 266-268; Kant, 2002c, pp. 62-64; *Log.*, AA 09, p. 111; Kant, 1992b, pp. 606-607). According to Kant, the difference between the logically actual and non-actual is based on a law of formal logic, namely the principle of sufficient reason (see *FM*, AA 02, p. 278; Kant, 2002b, pp. 368-370; *Log.*, AA 09, pp. 52-54; Kant, 1992b, p. 560; *Br.*, AA 11, p. 45; Kant, 1999, pp. 307-308; *Refl* 2167, AA 16, p. 257; *Refl* 2178, AA 11, p. 260).

⁴¹ In the footnote of the “Preface” to the second *Critique*, Kant explains duty as that “which is [...] related to a law *actually* present in reason as such [*ein in der Vernunft überhaupt wirklich liegendes Gesetz*]” (*KpV*, AA 05, p. 11n; Kant, 1996a, p. 145n).

субъекта воли. В понятии субъекта воли всегда уже присутствуют моральные законы, которые лишь постфактум проявляются для нас через долг³⁸.

Категория того, что *противоречит долгу*, возникает из функции логически недействительного. Для Канта суждение является логически недействительным, если оно не противоречит другому суждению и, таким образом, является логически возможным, но, помимо этого, в нем какое-либо представление не подразумевается в другом в соответствии с предполагаемым суждением. Например, в суждении «Этот холостяк богат» второе отношение (богатый) не содержится в первом — «холостяк»³⁹.

Следовательно, то, что противоречит долгу, *морально недействительно*. Практическое суждение является морально недействительным, если оно не противоречит моральному закону и, следовательно, является морально возможным (дозволенным), но в нем одно из представлений не подразумевается в другом в соответствии с этим предполагаемым законом. Объект воли — к примеру, спеть песню после пробуждения или нет — не содержится в понятии субъекта воли, поскольку для этого не существует морального закона. Это «морально безразличный поступок (*adiaphoron morale*)» (AA 06, S. 23 Anm.; Кант, 1994з, с. 22, примеч.)⁴⁰.

Выбор слов у Канта здесь не вполне корректен. Немецкий суффикс *-widrig* в образовании

representation (rich) is not already contained in the former due to the definition of 'bachelor'.⁴²

Consequently, what is contrary to duty is *morally non-actual*. A practical judgement is morally non-actual if it does not contradict a moral law and is thus morally possible (permitted), but in which, moreover, one representation is *not* already implied in the other according to that presupposed law. The object of the will, e.g. to sing a song after getting up or not, is not contained in the concept of the will's subject because there is no moral law for this. It is a "morally indifferent action (*adiaphoron morale*)" (RGV, AA 06, p. 23n; Kant, 1996с, p. 72n).⁴³

Kant's choice of words is not quite adequate here. The German suffix *-widrig* in formations with nouns expresses that a person or thing is in contradiction with something, that it violates it. Accordingly, *pflichtwidrig* actually means contrary to duty, but that is *not* what is meant. Furthermore, it *cannot* be meant, since this category would otherwise be identical with that of the forbidden or non-permitted. However, since the former is different from the latter for Kant, its meaning cannot be that something is in contradiction with a duty and violates it (*cf.* Bobzien, 1988, p. 218).

Schütz already suggested a different expression in his letter from 23 June 1788. Negating the concept of duty, he arrives at the term "Non-duty [*Nichtpflicht*]" (*Br*, AA 10, p. 542; Kant, 1999, p. 274). This term may sound a little

³⁸ В сноске к Предисловию ко второй «Критике» Кант объясняет долг как «то, что находится... в отношении к закону, *действительно* заключающемуся в разуме вообще [*ein in der Vernunft überhaupt wirklich liegendes Gesetz*]» (AA 05, S. 11 Anm.; Кант, 1997, с. 303, примеч.).

³⁹ Кант называет такое суждение *синтетическим*, поскольку его истинность может быть установлена только при условии, что человек перейдет к чувственному созерцанию рассматриваемого холостяка и синтезу этого созерцания с другим.

⁴⁰ Как объясняет Кант во Введении к «Метафизике нравов», такой поступок «не предписывается и не запрещается», а «только *дозволен*, потому что в отношении его нет никакого закона, ограничивающего свободу (правомочие), и, следовательно, нет никакого долга» (AA 06, S. 223; Кант, 2014, с. 69; см.: AA 06, S. 409; Кант, 2019, с. 97; AA 27, S. 512).

⁴² Kant calls such a judgement *synthetic* because its truth can only be determined if one proceeds to the sensible intuition of the bachelor in question and its synthesis with another.

⁴³ As Kant explains in the "Introduction" to the *Metaphysics of Morals*, such an action "is neither commanded nor prohibited" but "merely *permitted*, since there is no law limiting one's freedom (one's authorization) with regard to it and so too no duty" (*MS RL*, AA 06, p. 223; Kant, 1996d, pp. 377-378; *cf.* *MS TL*, AA 06, p. 409; Kant, 1996d, p. 536; *V-MS/Vigil*, AA 27, p. 512; Kant, 1997b, p. 276).

ях с существительными выражает, что человек или предмет противоречит чему-то, нарушает нечто. Соответственно, *pflichtwidrig* фактически означает «противное долгу», однако это не то, что имеется в виду. Кроме того, оно и не может быть понято таким образом, поскольку в противном случае эта категория оказалась бы идентичной категории запретного или недозволенного. Однако, поскольку для Канта первая категория отличается от второй, ее значение не может сводиться к тому, что нечто противоречит долгу и нарушает его (см.: Bobzien, 1988, S. 218).

Шютц в своем письме от 23 июня 1788 г. предлагает другое выражение. Отрицая понятие долга, он приходит к термину «не-долг [*Nichtpflicht*]» (AA 10, S. 542). Этот термин может звучать несколько неуклюже по-немецки (не будучи грамматически правильным), но по существу он вполне уместен. Кант и сам отрицает как понятие дозволенного (*Erlaubte*), отрицанием которого является понятие недозволенного (*Unerlaubte*), так и понятие совершенного (*vollkommene*) долга, отрицанием которого является несовершенный (*unvollkommene*) долг. Благодаря такому поиску лучшего выражения вторая пара категорий приобретает лингвистическую очевидность в виде противоречивой оппозиции.

В. Совершенный и несовершенный долг

Категория *совершенного долга* вытекает из функции «логической необходимости» (A 76 / B 101; Кант, 2006, с. 167). Для Канта суждение является логически необходимым, если оно не только логически возможно в том смысле, что согласуется с другим суждением, но и логически действительно в том смысле, что, согласно предполагаемому суждению, одно представление подразумевается в другом, и, кроме того, его *контрадикторная противоположность* ло-

awkward in German (without being grammatically incorrect), but in substance is quite appropriate. Kant himself negates both the concept of the permitted (*Erlaubte*), whose negation is that of the *non*-permitted (*Unerlaubte*), and the concept of perfect (*vollkommene*) duty, whose negation is that of *imperfect* (*unvollkommene*) duty. By this suggestion for a better expression, the second pair of categories becomes linguistically evident as a contradictory opposition.

c) Perfect and Imperfect Duty

The category of *perfect duty* stems from the function of the “logical necessity” (*KrV*, A 76 / B 101; Kant, 1998, p. 210). For Kant, a judgement is logically necessary if it is not only logically possible in that it agrees with another judgement, and even logically actual in that, according to that presupposed judgement, one representation is implied in the other, but, moreover, whose *contradictory opposite* is logically impossible.⁴⁴ For instance, the judgement ‘This bachelor is a man’ admits no alternatives; the bachelor in question cannot also not be a man, for that contradicts his concept.⁴⁵

Consequently, perfect duty is what is *morally necessary*. A practical judgement is morally necessary if it is not only morally possible (permitted) in that it agrees with a moral law, and even morally actual (duty) in that, according to that presupposed law, one representation is already implied in the other, but, moreover,

⁴⁴ “Necessary is that of which the opposite is impossible” (*V-Met-L./Pölitz*, AA 28, p. 557; Kant, 1997c, p. 322; cf. *KrV*, A 592-593 / B 620-621; Kant, 1998, p. 564; *Refl* 6393, AA 18, p. 704).

⁴⁵ The “apodictic proposition” thinks something “to be inseparably connected with the understanding” (*KrV*, A 76 / B 101; Kant, 1998, p. 210). According to Kant, the difference between the logically necessary and contingent is based on a law of formal logic, namely the principle of the excluded middle (see *FM*, AA 02, p. 278; Kant, 2002b, pp. 368-369; *Log*, AA 09, pp. 52-53; Kant, 1992b, p. 560; *Br*, AA 11, p. 45; Kant, 1999, pp. 307-308; *Refl* 2167, AA 16, p. 257; *Refl* 2178, AA 11, p. 260).

гически невозможна⁴¹. Например, суждение «Этот холостяк — мужчина» не допускает альтернатив; рассматриваемый холостяк не может одновременно быть и не мужчиной, так как это противоречит самому его понятию⁴².

Следовательно, совершенный долг — это то, что морально необходимо. Практическое суждение морально необходимо, если оно не только морально возможно (дозволено) в том смысле, что согласуется с моральным законом, но и морально действительно (долг) в том смысле, что, согласно этому предполагаемому закону, одно представление уже подразумевается в другом, и, более того, его *контрадикторная противоположность* морально невозможна (недопустима). Долг права, согласно которому мы должны вернуть депозит, например, не допускает альтернатив. Этот долг может быть реализован только путем возвращения депозита, все остальное противоречит лежащему в его основе моральному закону.

Категория *несовершенного долга* вытекает из функции логически обусловленного. Для Канта суждение является логически обусловленным, если оно не только логически возможно в том смысле, что согласуется с другим суждением, и даже логически действительно, так как, согласно предпосылочному суждению, одно представление подразумевается в другом, но к тому же его *контрадикторная противоположность* логически невозможна⁴³.

⁴¹ «Необходимым является то, противоположное чему невозможно» (AA 28, S. 557; A 592–593 / B 620–621; Кант, 2006, с. 733; AA 18, S. 704).

⁴² Аподиктическая пропозиция полагает, что нечто «неразрывно связано с рассудком» (A 76 / B 101; Кант, 2006, с. 169). Согласно Канту, различие между логически необходимым и контингентным основано на законе формальной логики, а именно на законе исключенного третьего (см.: AA 02, S. 278; Кант, 1994е, с. 400; AA 09, S. 52–53; Кант, 1994б, с. 370; AA 11, S. 45; AA 16, S. 257; AA 11, S. 260).

⁴³ В первой «Критике» мы находим две концепции случайного. С одной стороны, категория модальности: «Случайным в чисто категориальном смысле мы называем то, контрадикторная противоположность чего возможна» (A 458 / B 486; Кант, 2006, с. 613; AA 28, S. 557). А с другой стороны, категория *отношения*:

whose *contradictory opposite* is also morally impossible (non-permitted). The duty of right, e.g. according to which we must return deposits, admits no alternatives. This duty can only be realised by returning the deposit in question, anything else contradicts the underlying moral law.

The category of *imperfect duty* stems from the function of the logical contingent. For Kant, a judgement is logically contingent if it is not only logically possible in that it agrees with another judgement, and even logically actual in that, according to that presupposed judgement, one representation is implied in the other, but, moreover, whose *contradictory opposite* is logically impossible.⁴⁶ For instance, the judgement ‘This bachelor is any man’ allows for alternatives since it leaves open what kind of man the bachelor in question is. Being this instead of that (poor or rich, young or old etc.), does not contradict his concept.

Consequently, imperfect duty is what is *morally contingent*. A practical judgement is morally necessary if it is not only morally possible (permitted) in that it agrees with a moral law, and even morally actual (duty) in that, according to that presupposed law, one representation is already implied in the other, but, moreover, whose *contradictory opposite* is morally impossible (non-permitted). The duty of virtue, e.g. according to which we must pursue the end of contributing to the happiness of others,

⁴⁶ In the first *Critique*, we find two concepts of contingency. On the one hand, the category of *modality*: “In the pure sense of the category, the contingent is whose contradictory opposite is possible” (*KrV*, A 458 / B 486; Kant, 1998, p. 494; cf. *V-Met-L./Pöhlitz*, AA 28, p. 557; Kant, 1997с, p. 322). And on the other hand, the category of *relation*: “but then the concept of the contingent is already taken in such a way that it contains, not the category of modality (as something, the non-existence of which *can be thought*), but that of relation (as something that can only exist as the consequence of something else)” (*KrV*, B 290; Kant, 1998, p. 335).

Например, суждение «Этот холостяк — любой человек» допускает альтернативы, поскольку оставляет открытым вопрос о том, кем является данный холостяк. Быть тем-то, а не тем-то (бедным или богатым, молодым или старым и т.д.) не противоречит его понятию.

Следовательно, несовершенный долг — это то, что морально обусловлено. Практическое суждение является морально необходимым, если оно не только морально возможно (дозволено) потому, что согласуется с моральным законом, и даже морально действительно (долг) потому, что, согласно этому предполагаемому закону, одно представление уже подразумевается в другом, но, более того, его *контрадикторная противоположность* морально невозможна (недопустима). Долг добродетели, например, согласно которому мы должны стремиться к тому, чтобы способствовать счастью других, допускает альтернативы. Этот долг можно реализовать, поступая по-разному; совершая то или иное деяние, мы не противоречим основному моральному закону.

Следовательно, обязанности могут иметь разное содержание. То, что будет сделано, либо совершенно, либо несовершенно *определяется чистым практическим разумом* (см.: Beck, 1960, p. 151; Bobzien, 1988, S. 216; Graband, 2005, S. 64). Некоторые обязанности определяются полной детерминированностью их содержания. Как говорит Кант в «Метафизике нравов», совершаемое действие обусловлено такими обязанностями «с математической точностью» (AA 06, S. 233; Кант, 2014, с. 97). Но некоторые обязанности оставляют «свободному произволению некоторый простор (*latitudo*) для исполнения [закона]...» (AA 06, S. 390; Кант, 2019, с. 47)⁴⁴. В силу

«понятие случайного берется уже в таком смысле, что оно содержит в себе не категорию модальности (как нечто такое, небытие чего можно *мыслить*), а категорию отношения (как нечто такое, что может существовать лишь как следствие чего-то другого)» (B 290; Кант, 2006, с. 385–387).

⁴⁴ Закон «не может с определенностью указывать, как и насколько поступок должен способствовать достижению цели, которая есть в то же время обязанность» (AA 06, S. 390; Кант, 2019, с. 47; см.: AA 06, S. 392–394; Кант, 2019, с. 51–55).

allows for alternatives. This duty can be realised by doing different things and to different degrees; doing this instead of that, does not contradict the underlying moral law.

Hence, duties can have different kinds of content. What is to be done is either perfectly or imperfectly *determined by pure practical reason* (see Beck, 1960, p. 151; Bobzien, 1988, p. 216; Graband, 2005, p. 64). Some duties are defined by the complete determinateness of their content. As Kant says in the *Metaphysics of Morals*, the action to be done is determined by such duties “with mathematical exactitude” (*MS RL*, AA 06, p. 233; Kant, 1996d, p. 389). But some duties leave “a playroom (*latitudo*) for free choice in following” (*MS TL*, AA 06, p. 390; Kant, 1996d, p. 521).⁴⁷ Because of the underdeterminateness of their content, such duties leave it to the subject’s free choice as to how to pursue an end that is also a duty.⁴⁸

7. The Relation of the Categories of Freedom to the *Metaphysics of Morals*

The importance of Kant’s doctrine of the categories of practical reason is not limited to the second *Critique*. Indeed, this doctrine is already important insofar as concepts known from Kant’s earlier writings on moral philosophy — concepts such as maxim, precept and law, commission and omission, personality and person, the forbidden, permitted and duty — are now revealed to be concepts of a *categorical* rank. This revelation puts them on par with the categories

⁴⁷ “[...] the law cannot specify precisely in what way one is to act and how much one is to do by the action for an end that is also a duty” (*MS TL*, AA 06, p. 390; Kant, 1996d, p. 521; cf. *MS TL*, AA 06, pp. 392-394; Kant, 1996d, pp. 523-524).

⁴⁸ In this regard, in his drafts for the *Metaphysics of Morals*, Kant speaks several times of the “power of choice” (*VARL*, AA 23, p. 249; Kant, 2016, p. 235; cf. *VARL*, AA 23, pp. 248, 378).

недоопределенности своего содержания подобные обязанности оставляют за субъектом право свободного выбора способа достижения цели, которая одновременно является и долгом⁴⁵.

7. Отношение категорий свободы к «Метафизике нравов»

Значение учения Канта о категориях практического разума не ограничивается второй «Критикой». В самом деле, это учение важно уже потому, что понятия, известные из ранних работ Канта по моральной философии, — такие, как максима, предписание и закон, действие и недеяние, личность и лицо, недозволенное, дозволенное и долг, — теперь раскрываются как понятия *категориального* ранга. Это открытие ставит их в один ряд с категориями теоретического разума и сводит их в систематическую таблицу⁴⁶.

И учение Канта о категориях свободы имеет, в частности, значение для так называемого теста универсализации. Этот тест, который определяет моральность максимы путем ее универсализации и который Кант рассматривает в главе «О типике чистой практической способности суждения» (AA 05, S. 67; Кант, 1997, с. 453), проходит по модальным категориям. Проверяется, является максима недозволенной (не универсализируемой) или дозволенной (универсализируемой), и если последнее — противоречит она долгу (не-долгу) или согласуется с ним, и, опять же, если последнее — согласуется максима с совершенным долгом или с несовершенным⁴⁷.

⁴⁵ В связи с этим в черновиках «Метафизики нравов» Кант несколько раз говорит о «силе выбора» (AA 23, S. 249; см.: *Ibid.*, S. 248, 378).

⁴⁶ Как известно, Кант считает таблицу категорий природы (выведенную из таблицы суждений) полной. Однако не столь известно, что это утверждение в равной степени справедливо и для таблицы категорий свободы (поскольку она также выводится из таблицы суждений). Об этом см.: (Zimmermann, 2020).

⁴⁷ Подробнее см.: (Zimmermann, 2015).

of theoretical reason, and it brings them together in a systematic table.⁴⁹

And Kant's doctrine of the categories of freedom has, for example, importance for the so-called universalisation test. This test, which determines the morality of a maxim by universalising it and which Kant deals with directly afterwards in the chapter "Of the Typic of Pure Practical Judgment" (*KpV*, AA 05, p. 67; Kant, 1996a, p. 194), proceeds along the modal categories. The test checks whether a maxim is forbidden (not universalisable) or permitted (universalisable), and, if the latter, whether it is contrary to duty (a non-duty) or consistent with duty, and again, if the latter, whether the maxim is consistent with a perfect or an imperfect duty.⁵⁰

However, the importance of Kant's doctrine of practical categories reaches beyond his foundation of moral philosophy, for he associates with their table a *system-building claim*. This claim is just as ambitious as the one Kant associates with the categories of nature and their table in the first *Critique*. As he writes in the second *Critique*: "In this way one surveys the whole plan of what has to be done, every question of practical philosophy that has to be answered, and also the order that is to be followed" (*KpV*, AA 05, p. 67; Kant, 1996a, p. 194).

Kant's idea in 1788 seems to be that the table of the practical categories relates to the *Metaphysics of Morals* — which had yet to be elaborated at that time — in the same or a similar way to how the table of the theoretical categories relates to the *Metaphysical Foundations of Natural Science*, which had been published in 1786. While one table outlines the system of the metaphysics of freedom, the other one outlines the system of the metaphysics of nature.

⁴⁹ As is well known, Kant considers the table of the categories of nature (derived from the table of judgements) to be complete. Less known, however, is that the claim is equally true of the table of the categories of freedom (since it is also derived from the table of judgements). For this, see Zimmermann (2020).

⁵⁰ For more detail, see Zimmermann (2015).

Однако значение учения Канта о практических категориях выходит за рамки его обоснования моральной философии, ведь с их таблицей он связывает *само требование построения системы*. Это требование столь же амбициозно, как и то, которое Кант связывает с категориями природы и их таблицей в первой «Критике». Как он пишет во второй «Критике», «так отсюда виден весь план того, что надо сделать, даже каждый вопрос практической философии, на который необходимо ответить, и вместе с тем порядок, которому надо следовать» (AA 05, S. 67; Кант, 1997, с. 451).

Кант в 1788 г., по-видимому, полагал, что таблица практических категорий будет соотноситься с «Метафизикой нравов», не разработанной еще к тому времени, так же или примерно так же, как таблица теоретических категорий соотносится с «Метафизическими началами естествознания», опубликованными в 1786 г. Если в одной таблице излагается система метафизики свободы, то в другой — система метафизики природы.

Впервые этот предстоящий проект появляется примерно десятью годами ранее, в заметках, которые Кант включил в свое издание «*Initia philosophiae practicae*» Баумгартена. В этих заметках, написанных между 1776 и 1778 гг., говорится о «категориях морали» и «функциях свободы» (AA 19, S. 180 (№ 6854)), а также о «категориях чистой воли» (AA 19, S. 192 (№ 6888), 211 (№ 6948)). Однако в его опубликованных работах по моральной философии после критического поворота в 1781 г. больше нет упоминаний о чем-либо подобном⁴⁸.

⁴⁸ В «Основоположении...» Кант перечисляет «категории единства..., множественности... и целостности»; он соотносит их с «формой воли», с ее «материей» и с «тотальностью их системы» (AA 04, S. 436; Кант, 1994д, с. 193). Однако это теоретические категории, а именно категории количества. Точно так же в «Метафизике нравов» (в §4 «Учение о праве») Кант делит внешние объекты «согласно категориям *субстанции, каузальности и общения* между мной и внешними предметами по законам свободы» (AA 06, S. 247; Кант, 2014, с. 129). Это опять же теоретические категории, а именно категории отношения (см. также: AA 06, S. 101–102; Кант, 1994з, с. 105–106).

An upcoming project emerges for the first time about ten years earlier, in notes that Kant entered into his edition of Baumgarten's *Initia philosophiae practicae*. These notes, written between 1776 and 1778, read “categories of morality” and “functions of freedom” (Refl 6854, AA 19, p. 180; Kant, 2005, p. 441), as well as “categories of the pure will” (Refl 6888, AA 19, p. 192; Refl 6948, AA 19, p. 211; Kant, 2005, p. 451). However, in his published writings on moral philosophy after the critical turn in 1781, there is no further mention of something like this.⁵¹

Evidence that Kant initially intended to organise the *Metaphysics of Morals* in accordance with the categories of freedom can be seen from drafts of his late writing, unpublished by himself (cf. VARL, AA 23, pp. 218, 274, 298, 302; Kant, 2016, pp. 256, 278-279, 299-300, 302; VATL, AA 23, p. 382). In this context, Kant's letter to Jung-Stilling, dated after 1 March 1789, should also be noted. There, he announces his intention to begin writing his *Metaphysics of Morals* in the summer, and he outlines his (preliminary) answer to the question “how laws should be given in a civil society that is already presupposed” (Br, AA 23, p. 495; Kant, 1999, p. 290).

Lawgiving in a civil society, when dealing with a legal matter that is due for decision, is supposed to be guided by the four titles of the categories of freedom, i.e. by their “quantity”, “quality”, “relation” and “modality”. The titles are said to contain criteria for positive laws le-

⁵¹ In the *Groundwork*, Kant lists the “categories of the unity [...], the plurality [...] and the allness”; and he relates them to the “form of the will”, to its “matter”, and to “the system of these” (GMS, AA 04, p. 436; Kant, 1996b, p. 86). However, these are theoretical categories, namely those of quantity. Likewise in the *Metaphysics of Morals*, Kant (in §4 of the “Doctrine of Right”) divides the external objects according to the “categories of substance, causality, and community between myself and external objects in accordance with laws of freedom” (MS RL, AA 06, p. 247; Kant, 1996d, p. 402). These are again theoretical categories, namely those of relation (see also RGV, AA 06, pp. 101-102; Kant, 1996c, p. 136).

О том, что Кант изначально намеревался выстроить «Метафизику нравов» в соответствии с категориями свободы, свидетельствуют не опубликованные им самим черновики поздних сочинений (AA 23, S. 218, 274, 298, 302, 382). В этой связи следует также обратить внимание на письмо Канта к Юнг-Штиллингу, датированное 1 марта 1789 г. В нем он сообщает о своем желании приступить летом к написанию «Метафизики нравов» и излагает свой (предварительный) ответ на вопрос, «как следует принимать законы в уже созданном гражданском обществе» (AA 23, S. 495).

В гражданском обществе законотворчество при решении правового вопроса должно руководствоваться четырьмя группами категорий свободы, то есть их «количеством», «качеством», «отношением» и «модальностью». Эти группы, как утверждается, содержат критерии позитивных законов, легитимных в высшем смысле естественного права. Иными словами, Кант имеет в виду не только то, что философская доктрина права может найти общий язык с категориями, но и то, что политическая практика (*qua* доктрина права, осуществляемая в действительности) также может добиться этого⁴⁹.

Соответствует ли опубликованная «Метафизика нравов» этому первоначальному замыслу и организована ли она согласно категориям свободы — это, конечно, *другой* вопрос. На сегодняшний день этому вопросу посвящены две монографии. М. Дж. Грегор считает, что деление поздних работ Канта на право («Учение о праве») и этику («Учение о добродетели») является результатом применения категорического императива (Gregor, 1963). Между тем М. Зенгер ограничивает свою работу сферой права и для реконструкции ее организации в особенности опирается на категории природы (Sänger, 1982).

⁴⁹ Идея о том, что политика — это доктрина права, применяемая на практике, взята из работы Канта «К вечному миру», опубликованной в 1795 г. (AA 08, S. 370; Кант, 1994а, с. 431).

gitimate in the higher sense of natural law. In other words, Kant not only has in mind that the philosophical doctrine of right can find hold with the categories, but also that political practice (*qua* doctrine of right put into practice) can do so as well.⁵²

Whether the published *Metaphysics of Morals* actually fulfils this initial intention and is organised in accordance with the categories of freedom, is of course a *different* question. Two monographs deal with this question to date. Mary J. Gregor (1963) holds that the division of Kant's late writing into right ("Doctrine of Right") and ethics ("Doctrine of Virtue") results from an application of the categorical imperative. Meanwhile, Monika Sängler (1982) restricts herself to the sphere of right, and for the reconstruction of its organisation she also and especially draws upon the categories of nature.

As a brief consideration of the relation of the categories of freedom to the *Metaphysics of Morals*, I would just like to highlight that Kant includes *only* one division of duties into the table of the categories. In doing so, he clearly emphasises this division as the (or a) fundamental one. This division recurs in the *Metaphysics of Morals* in connection with Kant's distinction between duties of right and duties of virtue (*cf.* MS RL, AA 06, p. 240; Kant, 1996d, p. 395; MS TL, AA 06, p. 390; Kant, 1996d, p. 521).⁵³ For this reason, some commentators identify the two distinctions and understand duties of right to be perfect duties and duties of virtue imperfect duties (see Beck, 1960, pp. 151-152; Hill, 1971, pp. 56-58; Kersting, 1982, pp. 203, 212-213; Bobzien, 1988, pp. 215-216; Graband, 2005, pp. 61, 64; Kersting, 2007, p. 151).

⁵² The phrase that politics is doctrine of right put into practice stems from Kant's *Toward Perpetual Peace*, published in 1795 (*cf.* ZeF, AA 08, p. 370; Kant, 1996e, p. 338).

⁵³ See already Kant's lecture on metaphysics of morals in the winter semester 1793/94 (*cf.* V-MS/Vigil, AA 27, pp. 578, 581, 585; Kant, 1997b, pp. 329-330, 332, 335) and on practical philosophy in the winter semester 1784/85 (*cf.* V-Mo/Mron II, AA 29, p. 617; Kant, 1997a, p. 237).

В качестве краткого рассмотрения связи категорий свободы с «Метафизикой нравов» я хотел бы лишь подчеркнуть, что Кант включает в таблицу категорий *только одно* разделение обязанностей. При этом он явно подчеркивает это разделение как фундаментальное. Это деление повторяется в «Метафизике нравов» в связи с разграничением Кантом правовых обязанностей и обязанностей добродетели (AA 06, S. 240; Кант, 2014, с. 115; AA 06, S. 390; Кант, 2019, с. 45–47)⁵⁰. По этой причине некоторые комментаторы отождествляют эти два различия и понимают обязанности права как совершенный долг, а обязанности добродетели — как несовершенный долг (см.: Beck, 1960, p. 151–152; Hill, 1971, p. 56–58; Kersting, 1982, S. 203, 212–213; Bobzien, 1988, S. 215–216; Graband, 2005, S. 61, 64; Kersting, 2007, S. 151).

Это не может быть верно, поскольку не все совершенные обязанности являются обязанностями права. В «Метафизике нравов» сфера этики также содержит «совершенные обязанности перед самим собой» (AA 06, S. 421; Кант, 2019, с. 111), и они не являются *ни* обязанностями права, *ни* обязанностями добродетели⁵¹. Напротив, Кант, похоже, опирается на другое фундаментальное разделение обязанностей, так что обязанности права кажутся совершенными обязанностями по отношению к *другим*, а обязанности добродетели — кажущимися несовершенными обязанностями по отношению к себе или другим. Однако это не меняет того факта, что различие между совершенными и несовершенными обязанностями имеет категориальное основание, а различие между обязанностями по отношению к себе и к другим — нет.

⁵⁰ См. лекцию Канта о метафизике нравов за зимний семестр 1793/94 г. (AA 27, S. 578, 581, 585) и по практической философии в зимнем семестре 1784/85 г. (AA 29, S. 617).

⁵¹ О «Совершенных обязанностях перед самим собой» см.: (Herman, 2021, p. 104–106).

This cannot be correct since not all perfect duties are duties of right. In the *Metaphysics of Morals*, the sphere of ethics also contains “Perfect duties to oneself” (MS TL, AA 06, p. 421; Kant, 1996d, p. 546), and these are *neither* duties of right *nor* duties of virtue.⁵⁴ Instead, Kant seems to draw on another fundamental division of duties, so that duties of right seem to be perfect duties *to others* and duties of virtue are seemingly imperfect duties *to oneself* or *to others*. However, this does not change the fact that the distinction between perfect and imperfect duties is of a categorical rank, while that between duties to oneself and to others is not.

8. Conclusion

I conclude with a brief remark on another limit to the analogy between the categories of freedom and those of nature. There seem to be not only different types of categories within the table of the categories of freedom as Kant presents it in the second *Critique*, but also different ways of presenting them. For after all, Kant exhibits the categories as the heading of the table reads, “with Respect to the Concepts of the Good and Evil” (*KpV*, AA 05, p. 66; Kant, 1996a, p. 193). This indicates another “respect” with which these categories (all or some) can be exhibited.

This is another significant difference to the categories of nature. They cannot be exhibited with any “respect”. Presumably this is due to the peculiarity of practical reason as well, namely that reason has a twofold practical use. Kant does not name a verb that indicates what it is that happens to the categories “with Respect to the Concepts of the Good and Evil”. I presume that they are not considered one way or the other (see Pieper, 1973, pp. 150-151) but are *developed* from the functions of the intellect.

The other “respect” with which the categories can be exhibited could be seen in the con-

⁵⁴ For “Perfect duties to oneself”, see Herman (2021, pp. 104-106).

8. Заключение

В заключение я хотел бы сделать небольшое замечание по поводу еще одного ограничения для аналогии между категориями свободы и природы. Похоже, что в таблице категорий свободы, как ее представляет Кант во второй «Критике», есть не только разные типы категорий, но и разные способы их демонстрации. В частности, Кант выставляет категории, как гласит заголовок таблицы, «в аспекте понятий доброго и злого» (AA 05, S. 66; Кант, 1997, с. 449). Это указывает на другое «отношение», в котором могут быть представлены эти категории (все или некоторые).

Это еще одно существенное отличие от категорий природы. Они не могут быть показаны в каком-либо «отношении». Предположительно, это связано и с особенностями практического разума, а именно с тем, что разум имеет двойное практическое применение. Кант не употребляет глаголов, указывающих на то, что происходит с категориями «в отношении понятий добра и зла». Я предполагаю, что они не рассматриваются так или иначе (см.: Pieper, 1973, S. 150–151), а *вырабатываются* из функций интеллекта.

Другое «отношение», в котором могут быть представлены категории, можно увидеть в понятиях *блага* (*Wohl*) и *несчастья* (*Übel*), поскольку во второй, основной главе Кант уделяет много времени их отличию от понятий добра и зла, связывая первые с эмпирическим, а вторые — с чистым практическим разумом. Если это так, то категории (все или лишь некоторые) могли бы быть развиты из функций интеллекта: как из функций чистой воли, так и функций эмпирической воли. По крайней мере, это различие между аспектами, как представляется, действует в метафизической дедукции *модальных* категорий⁵².

⁵² Бентон предлагает называть категории чистой воли «моральными», а эмпирической воли — «категориями благоразумия» (Benton, 1980, p. 183).

cepts of *well-being* (*Wohl*) and *woe* (*Übel*). For, in the second main chapter, Kant spends much time distinguishing them from the concepts of good and evil in that he associates the former with empirical and the latter with pure practical reason. If so, the categories (all or only some) could be developed from the functions of the intellect, both as those of the pure will and those of the empirical will. At the very least, this distinction between respects seems to take effect in the metaphysical deduction of the *modal* categories.⁵⁵

Kant himself hints at this in the footnote of the “Preface” to the second *Critique*, where he briefly touches upon the categories of modality. However, if these categories allow for a twofold metaphysical deduction, then not all practical categories can be accommodated in one table. We must distinguish between the *doctrine* of the categories and the *table* of the categories as Kant exposes it. The former comprises the categories of the entire practical reason, of which the latter exposes only a part. In the relevant footnote, Kant illustrates the first pair of categories: “Thus, for example, it is *forbidden* to an orator, as such, to forge new words or constructions; this is to some extent *permitted* to a poet; in neither case is there any thought of duty” (*KpV*, AA 05, p. 11n; Kant, 1996a, p. 145n) “For”, Kant continues, “if anyone is willing to forfeit his reputation as an orator, no one can prevent him”. This can obviously not be a *moral* forbiddance or permission.⁵⁶

For reasons of scope, however, I cannot go into this further here.⁵⁷

⁵⁵ Benton (1980, p. 183) suggests naming the categories of the pure will “moral” and those of the empirical will “prudential categories”.

⁵⁶ Schütz also points this out in his letter to Kant: “In the Preface to the Critique of Pure Practical Reason the example of a permitted action that is introduced there, what an orator is permitted to do, etc. seems to me to be a μεταβασις εἰς ἄλλο γένος, namely to the *Rules of Skill*, which you yourself have wisely distinguished from *commandments* of morality” (*Br*, AA 10, pp. 542–543; Kant, 1999, p. 280).

⁵⁷ In the relevant footnote, Kant does not comment on the remaining modal categories. I refer here to my own remarks in Zimmermann (2011, pp. 296–298).

Кант и сам намекает на это в примечании к Предисловию во второй «Критике», где он вкратце касается категорий модальности. Однако если эти категории допускают двоякую метафизическую дедукцию, то далеко не все практические категории могут быть помещены в одну таблицу. Мы должны различать учение о категориях и таблицу категорий, как ее раскрывает Кант. Первое включает в себя категории всего практического разума, а вторая раскрывает лишь часть из них. В соответствующем примечании Кант иллюстрирует первую пару категорий: «Так, например, оратору, как таковому, *недозволительно* создавать новые слова и словосочетания; поэту же это до известной степени *позволительно*» (АА 05, S. 11 Анм.; Кант, 1997, с. 303, примеч.). В самом деле, продолжает Кант, «кто хочет обесславить оратора, никто в этом помешать не может». Это, очевидно, не может быть *моральным* дозволенным или *недозволенным*⁵³. Однако по соображениям объема я не смогу здесь углубиться в эту тему⁵⁴.

Список литературы

Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994а. Т. 7. С. 137–376.

Кант И. Логика, 1800 // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994б. Т. 8. С. 266–398.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994в. Т. 4. С. 247–372.

Кант И. Опыт введения в философию понятия отрицательных величин // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994г. Т. 2. С. 41–84.

⁵³ Шютц также указывает на это в своем письме к Канту: «В Предисловии к Критике чистого практического разума пример дозволенного действия, что разрешается оратору и т.д., кажется мне *μεταβασις εις άλλο γενοσ*, а именно к правилам мастерства, которые вы сами мудро отличаете от заповедей морали» (АА 10, S. 542–543).

⁵⁴ В соответствующей сноске Кант не комментирует остальные модальные категории. Я ссылаюсь здесь на свои собственные замечания в кн.: (Zimmermann, 2011, S. 296–298).

References

Abaci, U., 2019. *Kant's Revolutionary Theory of Modality*. Oxford: Oxford University Press.

Allison, H., 1995. *Kant's Theory of Freedom*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bader, R. M., 2009. Kant and the Categories of Freedom. *British Journal for the History of Philosophy*, 17, pp. 799-820.

Baumgarten, A. G., 1760. *Initia philosophiae practicae primae acroamaticae*. Halle: C. H. Hemmerde.

Beck, L. W., 1960. *A Commentary on Kant's Critique of Practical Reason*. Chicago: The University of Chicago Press.

Bendavid, L., 1796. *Vorlesungen über die Critik der practischen Vernunft*. Wien: J. Stahel.

Benton, R. J., 1980. Kant's Categories of Practical Reason as Such. *Kant-Studien*, 71, pp. 181-201.

Bobzien, S., 1988. Die Kategorien der Freiheit bei Kant. In: H. Oberer, ed. 1988. *Kant. Analysen – Probleme – Kritik. Volume 1*. Würzburg: Königshausen & Neumann, pp. 193-219.

Bojanowski, J., 2015. Categories of Freedom as Categories of Practical Cognition. *Kantian Review*, 20, pp. 211-234.

Fulda, H. F., 2006. Notwendigkeit des Rechts unter Voraussetzung des Kategorischen Imperativs der Sittlichkeit. *Jahrbuch für Recht und Ethik*, 14, pp. 167-213.

Graband, C., 2005. Das Vermögen der Freiheit. Kants Kategorien der praktischen Vernunft. *Kant-Studien*, 96, pp. 41-65.

Gregor, M. J., 1963. *Laws of Freedom. A Study of Kant's Method of Applying the Categorical Imperative in the Metaphysik der Sitten*. New York: Barnes & Noble.

Haas, B., 1997. Die Kategorien der Freiheit. In: H. Oberer, ed. 1997. *Kant. Analysen – Probleme – Kritik. Volume 3*. Würzburg: Königshausen & Neumann, pp. 41-80.

Herman, B., 2021. *The Moral Habitat*. Oxford: Oxford University Press.

Hill Jr., T. E., 1971. Kant on Imperfect Duty and Supererogation. *Kant-Studien*, 62, pp. 55-76.

Horn, C., 2002. Wille, Willensbestimmung, Begehrungsvermögen. In: O. Höffe, ed. 2002. *Immanuel Kant. Kritik der praktischen Vernunft*. Berlin: Akademie Verlag, pp. 43-61.

Kant, I., 1992a. Attempt to Introduce the Concept of Negative Magnitudes into Philosophy. In: I. Kant, 1992. *Theoretical Philosophy, 1755-1770*. Translated and edited by D. Walford. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 203-242.

Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994д. Т. 4. С. 153–245.

Кант И. Приложение о вопросе, предложенном на премию королевской берлинской академией наук в 1791 году: Какие действительные успехи создала метафизика в Германии со времени Лейбница и Вольфа? // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994е. Т. 7. С. 377–480.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994ж. Т. 4. С. 5–152.

Кант И. Религия в пределах только разума // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994з. Т. 6. С. 5–223.

Кант И. К вечному миру // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Ками, 1994и. Т. 1. С. 353–478.

Кант И. Критика практического разума // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Московский философский фонд, 1997. Т. 3. С. 277–733.

Кант И. Критика способности суждения // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2001а. Т. 4. С. 68–833.

Кант И. Первое введение в «Критику способности суждения» // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2001б. Т. 4. С. 834–959.

Кант И. Критика чистого разума. 2-е изд. (В) // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Кант И. Метафизика нравов. Часть первая. Метафизические первоначала учения о праве // Соч. на нем. и рус. яз. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. Т. 5, ч. 1. С. 19–474.

Кант И. Метафизика нравов. Часть вторая. Метафизические основные начала учения о добродетели // Соч. на нем. и рус. яз. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2019. Т. 5, ч. 2. С. 17–428.

Abaci U. Kant's Revolutionary Theory of Modality. Oxford : Oxford University Press, 2019.

Allison H. Kant's Theory of Freedom. Cambridge : Cambridge University Press, 1995.

Bader R. M. Kant and the Categories of Freedom // British Journal for the History of Philosophy. 2009. Vol. 17, №4. P. 799–820.

Baumgarten A. G. Initia philosophiae practicae primae acroamatice. Halle : C. H. Hemmerde, 1760.

Beck L. W. A Commentary on Kant's Critique of Practical Reason. Chicago : The University of Chicago Press, 1960.

Bendavid L. Vorlesungen über die Kritik der praktischen Vernunft. Wien : J. Stahel, 1796.

Benton R. J. Kant's Categories of Practical Reason as Such // Kant-Studien. 1980. Bd. 71, №1. P. 181–201.

Kant, I., 1992b. The Jäsche Logic, in: I. Kant, 1992. *Lectures on Logic*. Translated and edited by J. M. Young. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 521-630.

Kant, I., 1996a. Critique of Practical Reason. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 139-271.

Kant, I., 1996b. Groundwork of the Metaphysics of Morals. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 43-108.

Kant, I., 1996c. Religion within the Boundaries of Mere Reason. In: I. Kant, 1996. *Religion and Rational Theology*. Translated by G. Di Giovanni, edited by G. Di Giovanni and A. W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 39-216.

Kant, I., 1996d. The Metaphysics of Morals. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 364-603.

Kant, I., 1996e. Toward Perpetual Peace. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 317-351.

Kant, I., 1997a. Morality According to Prof. Kant: Mrongovius's Second Set of Lecture Notes (Selections). In: I. Kant, 1997. *Lectures on Ethics*. Translated by P. Heath, edited by P. Heath and J. B. Schneewind. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 223-248.

Kant, I., 1997b. Kant on the Metaphysics of Morals: Vigilantius's Lecture Notes. In: I. Kant, 1997. *Lectures on Ethics*. Translated by P. Heath, edited by P. Heath and J. B. Schneewind. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 249-452.

Kant, I., 1997c. Metaphysik L₂. In: I. Kant, 1997. *Lectures on Metaphysics*. Translated and edited by K. Ameriks and S. Naragon. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 299-354.

Kant, I., 1997d. Metaphysik Mrongovius. In: I. Kant, 1997. *Lectures on Metaphysics*. Translated and edited by K. Ameriks and S. Naragon. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 109-286.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Translated and edited by P. Guyer and A. W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 1999. *Correspondence*, Translated and edited by Arnulf Zweig, Cambridge: Cambridge University Press.

Bobzien S. Die Kategorien der Freiheit bei Kant // Kant. Analysen – Probleme – Kritik / hrsg. von H. Oberer. Würzburg : Königshausen & Neumann, 1988. Bd. 1. S. 193–219.

Bojanowski J. Categories of Freedom as Categories of Practical Cognition // Kantian Review. 2015. Vol. 20, № 2. P. 211–234.

Fulda H.F. Notwendigkeit des Rechts unter Voraussetzung des Kategorischen Imperativs der Sittlichkeit // Jahrbuch für Recht und Ethik. 2006. Bd. 14. S. 167–213.

Graband C. Das Vermögen der Freiheit. Kants Kategorien der praktischen Vernunft // Kant-Studien. 2005. Bd. 96, № 1. S. 41–65.

Gregor M.J. Laws of Freedom. A Study of Kant's Method of Applying the Categorical Imperative in the Metaphysik der Sitten. N. Y. : Barnes & Noble, 1963.

Haas B. Die Kategorien der Freiheit // Kant. Analysen – Probleme – Kritik / hrsg. von H. Oberer. Würzburg : Königshausen & Neumann, 1997. Bd. 3. S. 41–80.

Herman B. The Moral Habitat. Oxford : Oxford University Press, 2021.

Hill Jr. T. E. Kant on Imperfect Duty and Supererogation // Kant-Studien. 1971. Bd. 62. P. 55–76.

Horn C. Wille, Willensbestimmung, Begehrungsvermögen // Immanuel Kant. Kritik der praktischen Vernunft / hrsg. von O. Höffe. Berlin : Akademie Verlag, 2002. S. 43–61.

Kersting W. Das starke Gesetz der Schuldigkeit und das schwächere der Gütigkeit. Kant und die Pflichtenlehre des 18. Jahrhunderts // Studia Leibnitiana, 1982. Bd. 14. S. 184–220.

Kersting W. Wohlgeordnete Freiheit. Immanuel Kants Rechts- und Staatsphilosophie. Paderborn : Mentis, 2007.

Kobusch T. Die Kategorien der Freiheit. Stationen einer historischen Entwicklung: Pufendorf, Kant, Chalybäus // Allgemeine Zeitschrift für Philosophie. 1990. Bd. 15. S. 13–38.

Kontos P. Kant's Categories of Freedom as Rules of Moral Salience // Zeitschrift für philosophische Forschung. 2011. Bd. 65, № 2. P. 218–240.

Mellin G. S. A. Encyclopädisches Wörterbuch der kritischen Philosophie. Jena ; Leipzig: F. Frommann, 1800. Bd. 3.

Mellin G. S. A. Encyclopädisches Wörterbuch der kritischen Philosophie. Jena ; Leipzig : F. Frommann, 1802. Bd. 4.

Michaelis C. F. Ueber die sittliche Natur und Bestimmung des Menschen. Ein Versuch zur Erläuterung über I. Kants Kritik der praktischen Vernunft. Leipzig : J. G. Beigang, 1796. Bd. 1.

Kant, I., 2000. *Critique of the Power of Judgment*. Translated by P. Guyer and E. Matthews, edited by P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2002a. *Metaphysical Foundations of Natural Science*. In: I. Kant, 2002. *Theoretical Philosophy after 1781*. Translated by M. Friedman, edited by H. Allison and P. Heath. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 171-270.

Kant, I., 2002b. *On a Discovery whereby Any New Critique of Pure Reason is to Be Made Superfluous by an Older One*. In: I. Kant, 2002. *Theoretical Philosophy after 1781*. Translated by H. Allison, edited by H. Allison and P. Heath. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 272-336.

Kant, I., 2002c. *Prolegomena to Any Future Metaphysics that Will be Able to Come Forward as Science*. In: I. Kant, 2002. *Theoretical Philosophy after 1781*. Translated by G. Hatfield, edited by H. Allison and P. Heath. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 29-170.

Kant, I., 2005. *Notes and Fragments*. Translated by C. Bowman, P. Guyer and F. Rauscher, edited by P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2007. *Anthropology from a Pragmatic Point of View*. In: I. Kant, 2007. *Anthropology, History, and Education*. Edited by G. Zöllner and R. B. Louden. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 227-429.

Kant, I., 2016. *Drafts for the Metaphysics of Morals*. In: I. Kant, 2016. *Lectures and Drafts on Political Philosophy*. Translated by F. Rauscher and K. Westphal, edited by F. Rauscher. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 233-354.

Kersting, W., 1982. *Das starke Gesetz der Schuldigkeit und das schwächere der Gütigkeit. Kant und die Pflichtenlehre des 18. Jahrhunderts*. *Studia Leibnitiana*, 14, pp. 184-220.

Kersting, W., 2007. *Wohlgeordnete Freiheit. Immanuel Kants Rechts- und Staatsphilosophie*. Third Edition. Paderborn: Mentis.

Kobusch, T., 1990. *Die Kategorien der Freiheit. Stationen einer historischen Entwicklung: Pufendorf, Kant, Chalybäus*. *Allgemeine Zeitschrift für Philosophie*, 15, pp. 13-37.

Kontos, P., 2011. *Kant's Categories of Freedom as Rules of Moral Salience*. *Zeitschrift für philosophische Forschung*, 65, pp. 218-240.

Mellin, G. S. A., 1800. *Encyclopädisches Wörterbuch der kritischen Philosophie*. Volume 3. Jena & Leipzig: F. Frommann.

Nenon T. Freedom, Responsibility, Character: Some Reflections on Kant's Notion of the Person // *Jahrbuch für Recht und Ethik*. 1993. Bd. 1. P. 159–168.

Patzig G. Die logischen Formen praktischer Sätze in Kants Ethik // *Kant-Studien*. 1965. Bd. 56. S. 237–252.

Pieper A. Sprachanalytische Ethik und praktische Freiheit. Das Problem der Ethik als autonomer Wissenschaft. Stuttgart : Kohlhammer, 1973.

Pieper A. Zweites Hauptstück (57–71) // Immanuel Kant. *Kritik der praktischen Vernunft* / hrsg. von O. Höffe. Berlin : Akademie Verlag, 2002. S. 115–133.

Puls H. Funktionen der Freiheit. Die Kategorien der Freiheit in Kants Kritik der praktischen Vernunft. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2013.

Sänger M. Die kategoriale Systematik in den „Metaphysischen Anfangsgründen der Rechtslehre“. Ein Beitrag zur Methodenlehre Kants. Berlin ; N. Y. : De Gruyter, 1982.

Simon J. Kategorien der Freiheit und der Natur. Zum Primat des Praktischen bei Kant // *Kategorien und Kategorialität. Historisch-systematische Untersuchungen zum Begriff der Kategorie im philosophischen Denken* / hrsg. von D. Koch, K. Bort. Würzburg : Königshausen & Neumann, 1990. S. 107–130.

Willaschek M. *Praktische Vernunft. Handlungstheorie und Moralbegründung bei Kant*. Stuttgart ; Weimar : J. B. Metzler, 1992.

Wolff C. *Grundsätzen des Natur- und Völkerrechts*. Halle : Rengersche Buchhandlung, 1754.

Zimmermann S. *Kants „Kategorien der Freiheit“*. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2011.

Zimmermann S. Wovon handelt Kants ‚Typik der reinen praktischen Urteilskraft‘? // *Kant-Studien*. 2015. Bd. 106. S. 430–460.

Zimmermann S. Kant on ‘Moral Arguments’: What Does the Objectivity of a Postulate of Pure Practical Reason Consist in? // *The Highest Good in Kant's Philosophy* / ed. by T. Höwing. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2016a. P. 131–155.

Zimmermann S. Kants metaphysische Deduktion der Ideen in der Kritik der reinen Vernunft // *Philosophisches Jahrbuch*. 2016b. Bd. 123. S. 58–88.

Zimmermann S. Zu den Freiheitskategorien der Quantität, Qualität und Relation. Eine Selbstkorrektur // *Die „Kategorien der Freiheit“ in Kants praktischer Philosophie. Historisch-systematische Beiträge* / hrsg. von S. Zimmermann. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2016b. S. 217–246.

Mellin, G.S.A., 1802. *Encyclopädisches Wörterbuch der kritischen Philosophie*. Volume 4. Jena & Leipzig: F. Frommann.

Michaelis, C.F., 1796. *Ueber die sittliche Natur und Bestimmung des Menschen. Ein Versuch zur Erläuterung über I. Kants Kritik der praktischen Vernunft*. Volume 1. Leipzig: J. G. Beigang.

Nenon, T., 1993. Freedom, Responsibility, Character: Some Reflections on Kant's Notion of the Person. *Jahrbuch für Recht und Ethik*, 1, pp. 159-168.

Patzig, G., 1965. Die logischen Formen praktischer Sätze in Kants Ethik. *Kant-Studien*, 56, pp. 237-252.

Pieper, A., 1973. *Sprachanalytische Ethik und praktische Freiheit. Das Problem der Ethik als autonomer Wissenschaft*. Stuttgart et al.: Kohlhammer.

Pieper, A., 2002. Zweites Hauptstück (57-71). In: O. Höffe, ed. 2002. *Immanuel Kant. Kritik der praktischen Vernunft*. Berlin: Akademie Verlag, pp. 115-133.

Puls, H., 2013. *Funktionen der Freiheit. Die Kategorien der Freiheit in Kants Kritik der praktischen Vernunft*. Berlin & Boston: De Gruyter.

Sänger, M., 1982. *Die kategoriale Systematik in den „Metaphysischen Anfangsgründen der Rechtslehre“*. Ein Beitrag zur Methodenlehre Kants. Berlin & New York: De Gruyter.

Simon, J., 1990. Kategorien der Freiheit und der Natur. Zum Primat des Praktischen bei Kant. In: D. Koch and K. Bort, eds. 1990. *Kategorien und Kategorialität. Historisch-systematische Untersuchungen zum Begriff der Kategorie im philosophischen Denken*. Würzburg: Königshausen & Neumann, pp. 107-130.

Willaschek, M., 1992. *Praktische Vernunft. Handlungstheorie und Moralbegründung bei Kant*. Stuttgart & Weimar: J. B. Metzler.

Wolff, C., 1754. *Grundsätzen des Natur- und Völkerrechts*. Halle: Rengersche Buchhandlung.

Zimmermann, S., 2011. *Kants „Kategorien der Freiheit“*. Berlin & Boston: De Gruyter.

Zimmermann, S., 2015. Wovon handelt Kants ‚Typik der reinen praktischen Urteilskraft‘? *Kant-Studien*, 106, pp. 430-460.

Zimmermann, S., 2016a. Kant on ‘Moral Arguments’: What Does the Objectivity of a Postulate of Pure Practical Reason Consist in? In: T. Höwing, ed. 2016. *The Highest Good in Kant's Philosophy*. Berlin & Boston: De Gruyter, pp. 131-155.

Zimmermann, S., 2016b. Kants metaphysische Deduktion der Ideen in der *Kritik der reinen Vernunft*. *Philosophisches Jahrbuch*, 123, pp. 58-88.

Zimmermann S. Kant über die Vollständigkeit der ‚Tafel der Kategorien der Freiheit‘ // Archiv für Geschichte der Philosophie. 2020. Bd. 102. S. 426–452.

Zimmermann S. Was versteht Kant unter einer ‚Ausnahme‘? Zur Unterscheidung vollkommener und unvollkommener Pflichten in der Grundlegung zur Metaphysik der Sitten // Kant-Studien. 2023. Bd. 114. S. 710–727.

Об авторе

Штефан Циммерман, доктор философии, Галле-Виттенбергский университет им. Мартина Лютера, Галле, Германия.

E-mail: stephan.zimmermann@phil.uni-halle.de

О переводчике

Полина Руслановна Левин, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: PBonadyseva1@kantiana.ru

ORCID: 0000-0002-2388-5441

Для цитирования:

Циммерман Ш. Кантовские «категории свободы» как функции желания объекта // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 2. С. 79–122.

doi: 10.5922/0207-6918-2024-2-3

© Циммерман Ш., 2024.

Zimmermann, S., 2016c. Zu den Freiheitskategorien der Quantität, Qualität und Relation. Eine Selbstkorrektur. In: S. Zimmermann, ed. 2016. *Die „Kategorien der Freiheit“ in Kants praktischer Philosophie. Historisch-systematische Beiträge*. Berlin & Boston: De Gruyter, pp. 217-246.

Zimmermann, S., 2020. Kant über die Vollständigkeit der ‚Tafel der Kategorien der Freiheit‘. *Archiv für Geschichte der Philosophie*, 102, pp. 426-452.

Zimmermann, S., 2023. Was versteht Kant unter einer ‚Ausnahme‘? Zur Unterscheidung vollkommener und unvollkommener Pflichten in der *Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*. *Kant-Studien*, 114, pp. 710-727.

The author

Dr. habil. Stephan Zimmermann, Martin Luther University Halle-Wittenberg, Halle, Germany.

E-mail: stephan.zimmermann@phil.uni-halle.de

To cite this article:

Zimmermann, S., 2024. Kant’s “Categories of Freedom” as the Functions of Willing an Object. *Kantian Journal*, 43(2), pp. 79-122.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-2-3>

© Zimmermann S., 2024.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))